

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

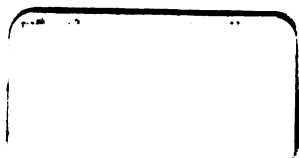
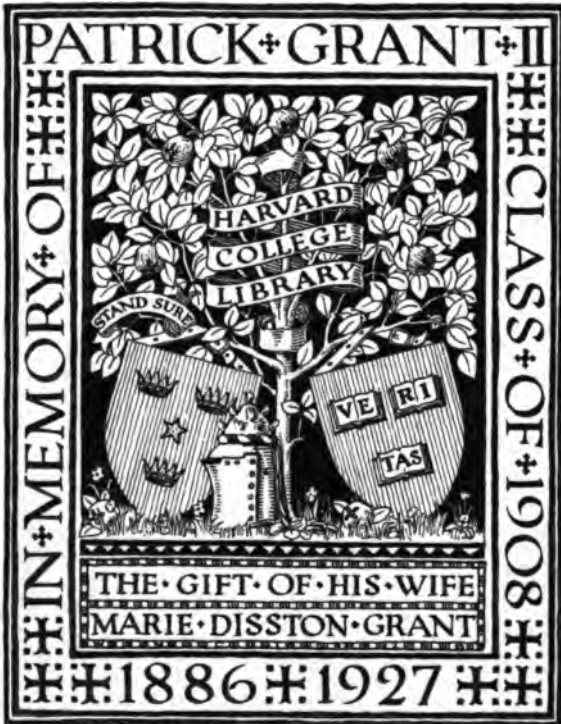
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

27233.4

СОВРЕМЕННАЯ
МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

Вып. 2.

Н. О. Сумцова.

Оттисекъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

Printed in Russia.

КІЕВЪ.

Типографія „Корчакъ-Новицкаго“ Михайловская ул., л. № 4-Б.

1897.

0

СОВРЕМЕННАЯ

МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

Н. О. Сумцова.

Оттисекъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія „Корчакъ-Новицкаго“ Михайловская ул., д. № 4-й.
1897.

Дозволено цензурою Кіевъ, 1 февраля 1897 года.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ~~выпуску~~ *выпуску*.

Прошло около двухъ лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ перваго выпуска „Соврем. малор. этнографіи“. Одинъ изъ дѣятелей этнографіи, сочиненія которыхъ были нами разобраны, И. И. Манжура скончался. П. В. Ивановъ и Я. П. Новицкій дали новые цѣнные сборники—первый продолженіе разработаннаго нами сборника малорусскихъ легендъ (нап. въ Этногр. Обзор. 1892 и 1894 д.), второй,—сборникъ малорусскихъ, преимущественно историческихъ пѣсенъ (изданъ въ VI т. Сборника харьк. истор.-фил. общ. 1894 г.). Послѣ Манжуры осталось еще три сборника: небольшой сборникъ сказокъ и притчъ (нап. въ VI т. Сборн. харьк. ист.-фил. общ. 1894 г.), обширный сборникъ пѣсенъ, большею частью впрочемъ извѣстныхъ (принадлежитъ харьк. ист.-фил. обществу, предположенъ къ изданію по частямъ) и сборникъ народныхъ циничныхъ разсказовъ, неудобный для печати, мѣстонахожденіе котораго неизвѣстно.

Настоящій выпускъ составляетъ продолженіе перваго. Въ него войдутъ этнографическія статьи и сборники, русскіе и польскіе. Послѣдніе не такъ многочисленны и не такъ важны, чтобы выдѣлять ихъ въ особый выпускъ, какъ первоначально я предполагалъ. Польскіе сборники даютъ лишь сырой матеріалъ: мы посвятимъ имъ двѣ или три главы въ видѣ библиографическаго обзора.

П. И. Житецкій.

Въ III т. „Исторіи русской этнографіи“ *А. Н. Пытина* (стр. 375—376) находится біографія Пав. Игн. Житецкаго и краткій обзоръ его историко-литературныхъ и филологическихъ трудовъ. Въ исторіи изученія малорусскаго языка сочиненія г. Ж. имѣютъ важное значеніе; но собственно въ этнографіи они не относятся. Исключеніе можно сдѣлать лишь для послѣднѣйшаго труда г. Ж. о думахъ. Этотъ трудъ прежде всего историко-литературный; но и для этнографіи онъ не лишень значенія.

„Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ“ печатались по частямъ въ „Кіев. Старинѣ“ 1892 г., причемъ трудно было услѣдить за ходомъ мысли автора, и отдѣльныя части казались безсвязными. Въ 1893 г. „Мысли“ вышли отдѣльной книгой (въ 249 стр.) съ посвященіемъ памяти А. А. Котляревскаго, и въ такомъ видѣ сочиненіе производитъ хорошее впечатлѣніе. Сочиненіе это, несомнѣнно, стоило автору многихъ лѣтъ труда и тщательныхъ размышленій, и потому, естественно, мы должны отнестись къ нему съ надлежащей внимательностью. Настоящая наша статья предупреждена цѣлымъ рядомъ краткихъ журнальныхъ критическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ наиболѣе характерными представляются слѣдующія:

Проф. *Соболевскій* во II кн. „Живой Старинѣ“ 1893 г. напечаталъ очень краткую (въ 4 странички) и въ тоже время очень высокоумѣрную по тону замѣтку, въ которой утверждаетъ, что „единственное достоинство этихъ мыслей (основное положеніе г. Ж. о связи думъ съ школьной наукой)—ихъ новизна“. Критикъ, очевидно, „новизну“ считаетъ какимъ-то недостаткомъ, точно для всякаго ученаго обязательны проторенные и избитые пути. Далѣе критикъ развязно принимаетъ думы подъ свое покровительство: „Мы надѣемся защитить отъ него думы, говорить г. Соболевскій, и освободить отъ возведеннаго на нихъ обвиненія въ тѣсной связи ихъ съ виршами“ (Жив. Стар. стр. 250). Г. Соболевскій напрасно беретъ на себя роль защитника въ такомъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ подсудимаго. Въ дѣйствительности, г. Житецкій даетъ думамъ важную историческую постановку

и признаетъ за дими высокое значеніе памятниковъ совмѣстнаго творчества старинной малорусской интеллигенціи и народа. Завота г. Соболевскаго объ отдѣленіи въ пѣсняхъ народности отъ литературныхъ вліяній, будто-бы принижающихъ народное творчество, отзывается чѣмъ-то ужъ слишкомъ устарѣлымъ.

Послѣ „вритива“ г. Соболевскаго пріятно остановиться на краткой, но достаточно содержательной рецензії г. Яича въ Archiv für slav. Philol. XV Heft 4 стр. 613—614). Рецензентъ находитъ, что „Мысли“ прекрасно написаны (das hübsch beschriebene Buch) что авторъ—„основательный знатокъ малорусской исторіи и народной словесности“ (gründlicher Kenner des kleinrussischen Volksthum, namentlich der Volksdichtung in ihrem Zusammenhang mit der Geschichte und den culturelleg Einflüssen), добавляетъ, что книга написана съ одушевленіемъ (sehr anziehend mit einem gewissen poetischen Schwung geschriebenen Werke) и въ частности одобряетъ мысль г. Ж. о связи думъ со школьной наукой (ein hübscher Gedanke).

Съ Яичемъ сходится А. Н. Пыпинъ въ небольшой, но мѣткой и содержательной рецензії въ VI кн. „Вѣстника Европы“ 1893 г. И г. Пыпинъ признаетъ научныя заслуги г. Ж., называетъ его изслѣдованія „замѣчательными“ и въ частности о „Мысляхъ“ говоритъ, что это изслѣдованіе даетъ много любопытнѣйшихъ указаній, важныхъ именно тѣмъ, что кромѣ особенностей формы, они опираются на фактахъ старой малорусской книжной рѣчи и литературы“.

Нѣсколько специальныхъ замѣтовъ о малорусскихъ думахъ, по поводу сочиненія г. Житецкаго, будетъ сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ. Въ настоящей статьѣ ограничиваемся краткими замѣтками, насколько это необходимо для полноты общаго обзора современной малорусской этнографіи.

Первая глава названа: «строй рѣчи и поэтической стиль въ народныхъ малорусскихъ думахъ» (стр. 1—38). Изученіе формальной стороны малорусской народной поэзіи, въ частности думъ, почти непечатое поле; одинъ Потеня (а за нимъ отчасти и г. Нейманъ) работалъ въ этой трудной области; все, что сдѣлано Потеней въ этомъ чаправленіи, весьма цѣнно въ науч-

номъ отношеніи; въ особенности цѣнны его обширныя замѣчанія о размѣрѣ малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ, и о запѣвахъ. Г. Житецкій выдѣлилъ для спеціальнаго изслѣдованія думы. Онъ говоритъ о неравномѣрности и подвижности стиховъ въ думахъ, обилии глагольныхъ риземъ, слитныхъ предложеній и синонимическихъ глаголовъ. Выборъ темы очень удачный; въ сожалѣнію, г. Житецкій обходитъ молчаніемъ такія важныя формальныя стороны, какъ повторенія, сравненія, общія мѣста, излюбленные тропы и фигуры. При опредѣленіи формальныхъ особенностей думъ не обращено вниманія на сходныя и сходныя явленія въ славянскомъ эпосѣ¹⁾. Наконецъ, авторъ не выдерживаетъ формальной стороны изслѣдованія и въ концѣ главы переходитъ отъ поэтическаго стиля въ фактическому содержанію думъ. Кое-какія мелочи представляются несовсѣмъ ясными или недостаточно обоснованными въ научномъ отношеніи; такъ, примѣръ „проклятій“ въ думѣ на стр. 21 нѣ представляется неудачнымъ. Здѣсь простое порицаніе вѣры бурсманской; проклятіе имѣетъ своеобразный характеръ; встрѣчается оно изрѣдка и въ думахъ, напр., въ думѣ про вдову и трехъ ея сыновей и въ думѣ про Коновченка. Что касается до архаизмовъ въ лексическомъ составѣ думъ, то авторъ говоритъ о нихъ лишь мимоходомъ, и эта сторона думъ требуетъ спеціальной филологической разработки. Желательно видѣть болѣе цѣльный и болѣе подробный подборъ эпитетовъ; если бы малорусскіе эпитеты въ думахъ были сопоставлены и сличены съ сербскими и болгарскими, въ такомъ случаѣ они получили-бы весьма цѣнное научное освѣщеніе, и отчетливо опредѣлилось-бы, насколько они національны и насколько общенародны. Въ концѣ главы авторъ высказываетъ нѣсколько остроумныхъ замѣчаній о присутствіи въ думахъ книжныхъ церковно-славянскихъ элементовъ рѣчи, причемъ указываетъ на признаки школьныхъ вліяній въ языкѣ и стилѣ думъ. Какъ бы переходомъ къ послѣдующимъ главамъ служить слѣдующее основательное замѣ-

¹⁾ Автору, повидимому, неизвѣстны цѣнные труды по этой части Миклонача и Замы.

чаніе г. Житецкаго, подтверждаемое не только думами, но еще въ большей степени колядками. „Въ старинной Малороссіи было живое общеніе между школой и народомъ. Много перекрестныхъ путей шло отъ народа къ школѣ и обратно; много людей двигалось по этимъ путямъ, внося въ школу народное міровоззрѣніе и вынося изъ нея научныя приемы мысли и рѣчи“. Авторъ допускаетъ вліяніе школьной прозы на языкъ думъ и, обратно, вліяніе поэтическаго стиля думъ на школьную рѣчь.

Гораздо интереснѣе слѣдующія двѣ главы—о странствующихъ школьникахъ въ старинной Малороссіи и о старинныхъ малорусскихъ виршахъ. Эти двѣ главы тѣсно связаны между собой и составляютъ какъ бы цѣлое самостоятельное изслѣдованіе, любопытное по о новной идеѣ о взаимодѣйствіи школьныхъ виршъ и народныхъ пѣсенъ. Здѣсь много драгоценныхъ фактическихъ данныхъ, извлеченныхъ отчасти изъ богатыхъ матеріаловъ въ „Кіев. Старинѣ“, отчасти изъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Императорской публ. библ., архивѣ Е. Н. Скаржинской, въ кіевскомъ церковно-археологическомъ музее и въ кіево-михайловскомъ монастырѣ.

Во II гл г. Ж. говоритъ о главныхъ составителяхъ виршей—странствующихъ школьникахъ и мандрованныхъ дьякахъ-пивоурѣзахъ, объ отношеніи ихъ къ народу и, обратно, народа къ пивоурѣзамъ. Въ III обширной главѣ авторъ говоритъ о правоучительныхъ, правоописательныхъ и историческихъ виршахъ. Изъ виршей правоучительнаго содержанія отмѣчены вирши о смерти, страшномъ судѣ, правдѣ и вшивдѣ; въ видѣ отдѣльнаго экскурса говорится о значеніи матери въ малорусской народной словесности и приведена дума о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ; связь этой думы съ виршами представляется сомнительной. Въ отдѣлѣ виршъ правоописательныхъ рассмотрѣны рождественскія, воскресенскія и интермедіи, съ историко-бытовыми замѣтками о реляхъ крестьянина, козака и запорожца въ вертепной драмѣ. Въ отдѣлѣ историческихъ виршей отмѣчены „острожскій пламентъ“, Дума kozackaia“ и нѣкот. др.

Г. Житецкій разсматриваетъ вирши, какъ памятники самостоятельныя и оригинальныя, и часто даетъ къ нимъ историко-

бытовое коментаріа. Многое въ книгѣ г. Ж. получить совсѣмъ другое освѣщеніе, если принять во вниманіе, что и для малорусскихъ виршъ были свои западные образцы и оригиналы — мистеріи, легенды, пѣсни вагантовъ.

Нельзя не пожалѣть, что авторъ не сгруппировалъ всѣхъ данныхъ относительно главныхъ мотивовъ правоучительныхъ виршъ. Подборъ извѣстныхъ варіантовъ хотя бы одного мотива, напримѣръ, о томъ, чѣмъ душа согрѣшила, далъ бы точку опоры будущимъ изслѣдователямъ опредѣлить основной характеръ и частныя детали по сравненію пѣсенъ этого разряда у разныхъ народовъ.

Мнѣ представляется нѣсколько опаснымъ дѣлать бытовыя приуроченія пѣсни „Нема въ свити правды“, въ томъ смыслѣ, что „къ печальнымъ обобщеніямъ пришелъ пѣвецъ на основаніи наблюденій надъ жизнью отцовъ и дѣтей (стр. 68). Можетъ быть такъ, и можетъ быть иначе; никакіе прочіе выводы не могутъ быть сдѣланы до подбора матеріала, опредѣленія литературныхъ источниковъ пѣсни, вообще до обстоятельнаго, по возможности сравнительнаго литературнаго ея изученія. Къ тому же матеріалъ въ значительномъ количествѣ уже подобранъ въ книгѣ „Политичныхъ пѣсенъ украин. народа“, и послѣдованіе поставлено на твердую почву въ трудахъ акад. *Веселовскаго* и г. *Мочульскаго* (въ диссертации о Голубицкой книгѣ).

Сочиненіе г. Ж. должно поднять вирши въ глазахъ людей науки, не только въ научномъ отношеніи — г. Ж. даетъ для этого новую точку зрѣнія, но сближенію виршъ съ народными пѣснями, — но и въ отношеніи художественномъ; г. Ж. приводитъ изъ нечуждыхъ виршъ весьма поэтическіе отрывки. Авторъ мѣстами называетъ вирши и псалмы „трогательными“ и даже „глубоко-трогательными“, по поводу одной замѣчаетъ, что ее нельзя ни слушать, ни даже читать равнодушно. Дѣйствительно, между псалмами есть художественныя, и нѣтъ ничего удивительнаго, что лучшие люди старой Малороссіи дорожили ими. Поэты-мыслители иногда сходятся и подають другъ другу руки, не смотря на вѣковые промежутки времени, на большое различіе въ національномъ положеніи. Никто не станеть утвер-

ждать, что Пушкиным изучалъ малорусскія вирши XVII в., что онъ черпалъ что-либо изъ этого схоластическаго, забытаго, давно несякашаго литературнаго источника. Ни заимствованія, ни вліянія не было; а совпаденіе вышло, и, что въ особенности любопытно, совпаденіе вышло между лучшими виршами и лучшими Пушкинскими стихотвореніями, что, вѣроятно, обусловлено известной высотой художественнаго творчества. Въ малорусской виршѣ поэтъ жалуется, что онъ, проживая на чужбинѣ, „какъ орелъ понадъ моремъ повитремъ носится“; т. е. ему негдѣ опуститься, негдѣ отдохнуть, и гибель грозитъ при малѣйшемъ упадкѣ силъ—прекрасный образъ горемыки на чужбинѣ, безъ поддержки рода-племени. У Пушкина „вскормленный на волѣ орелъ молодой“ зоветъ изъ темницы узника туда, „гдѣ синѣютъ широкіе края“. Далѣе Пушкинъ вспоминалъ объ орлѣ, когда говорилъ о толпѣ холодной, которая была своего рода чужбиной, о той толпѣ, надъ которой онъ, какъ орелъ носился. Возьмемъ далѣе слѣдующій отрывокъ:

Годи вамъ шумити, зеленни луги!
 Годи мляти сердца моему съ неснозною туги!
 Якъ дянты прекрасніи скоро одвантають,
 То такъ насъ молодни лята скоро поведать...
 Віють вятры съ стѣну—запрету не мають;
 Идутъ мысли съ день и ночи—спокою не дають.

Послѣдній образъ гениальный; для созданія его требовалось большое художественное дарованіе. Сравнимъ этотъ образъ съ слѣдующимъ превосходнымъ стихомъ Пушкина:

Зачѣмъ кружится вѣтръ съ оврагъ,
 Волнуеть стѣну и миль несетъ,
 Когда корабль въ подвижной вѣтръ
 Его дыханья жадно ждетъ . . .

 Затѣмъ, что вѣтру (и орлу,
 И сердцу дѣвы) нѣтъ закона.

Кромѣ художественныхъ чертъ, въ виршахъ разбросано много мѣткихъ бытовыхъ и историческихъ подробностей (см. стр. 81, 89, 97, 131—136).

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что старинная вирша о пекельномъ Маркѣ (стр. 98) представляетъ простую передѣлку

весьма распространенной сказки о томъ, какъ солдатъ (мужикъ) разогналъ чертей въ аду. Объ этомъ мотивѣ см. „*Киев. Стар.*“ 1886, VI. 445, *Zbiór Wiadomosci VIII*, 301, *Добровольскаго*, Смолен. сборн. I, 285, *Аванасьевъ IV*, 494, *Караджича* (Приповѣдки) 301, братенская сказка въ *Кропца* II 77.

Г. Ж., отмѣчая вліяніе виршъ на думы, между прочимъ останавливается на вертепѣ, но лишь на второй, бытовой его части. На первой части вертепа авторъ не останавливается, считая ее драматизированнымъ воспроизведеніемъ рождественскихъ виршъ. Есть еще одна сторона, совсѣмъ не отмѣченная г. Житецкимъ, это обратное вліяніе драмъ на вирши, доходящее даже до вырожденія мистеріи въ вирши.

Глава IV—„отраженіе пѣсенныхъ мотивовъ въ народныхъ малорусскихъ думахъ“—мнѣ представляется неясной. Я не нахожу никакой внутренней связи между пѣснями о матери невольницѣ и думой о Марусѣ Богуславкѣ, между думами о Теодорѣ Безродномъ и думами объ Ивасѣ Коновченкѣ. Авторъ говоритъ, что творцы думъ пользовались готовымъ пѣсеннымъ матеріаломъ. Замѣчаніе это приложимо ко всѣмъ крупнымъ произведеніямъ народной словесности, напр., колядкамъ. Въ думахъ личное творчество обнаруживается сильнѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой отрасли словесности, именно въ зависимости отъ сильнаго вліянія интеллигенціи, въ частности школы. Есть пѣсни (именно свадебныя), которыя всецѣло держатся на обрядовой традиціи. Авторъ говоритъ: „то, что въ пѣсняхъ является въ видѣ намека, въ видѣ отдѣльныхъ указаній на тѣ или другія состоянія страдающихъ людей, выступаетъ въ думахъ, какъ цѣльная картина, пропитанная, такъ сказать, влагою невысохшихъ слезъ, или же поднятая на высоту для всенароднаго созерцанія козацкой славы“ (138). Здѣсь пѣснямъ дано слишкомъ рѣзкое противопоставленіе думахъ. Есть пѣсни, по силѣ чувства, по яркости образовъ, ничуть не уступающія думахъ—таковы многія пѣсни балладныя и семейно-родственныя. Мнѣ кажется, что о мотивахъ можно говорить въ томъ только смыслѣ, въ какомъ говорилъ о нихъ *Потебня* во II т. „Объясн. мелор. пѣсенъ“, т. е. какъ объ отдѣльныхъ простѣйшихъ эле-

ментахъ, напр., похвальба, неповиновение матери, способы погребенія, обращенія къ коню, къ бандурѣ и т. д. Говорить же объ отраженіи пѣсенъ въ думахъ невозможно по той причинѣ, что мы ничего не знаемъ о характерѣ и составѣ малорусскихъ пѣсенъ XVI и XVII вѣковъ; въ сравненіе вводятся пѣсни, записанныя въ текущемъ столѣтіи, неизвѣстнаго происхожденія, не подвергавшіяся научному изученію. Уважаемый авторъ на стр. 143—144 ссылается, напр., на пѣсни о смерти козака и вводитъ ихъ въ разрядъ думъ о порубанныхъ козакахъ. Я позволю себѣ здѣсь сослаться на свою попытку сравнительно-литературнаго изученія этихъ пѣсенъ въ 1 кн. *Этногр. Обзор.* 1893 г., причѣмъ мнѣ пришлось прійти къ діаметрально противоположнымъ выводамъ, въ смыслѣ историко-бытоваго и національнаго характера этихъ пѣсенъ. На мой взглядъ, эти пѣсни стоятъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ малорусскаго эпоса.

Пятая глава—„творцы и пѣвцы думъ“ состоитъ изъ отдѣльныхъ экскурсовъ, трудно поддающихся обобщенію. По крайней мѣрѣ, первый экскурсъ—„идея матери вдовы въ виршахъ, пѣсняхъ и думахъ“—выходитъ изъ рамокъ изслѣдованія. Авторъ творцами думъ считаетъ „шпитальныхъ старцевъ“. Трудно согласиться съ этимъ мнѣніемъ: въ думахъ столько силы, жизни, опытности, что создать ихъ не могли шпитальные старики, по свидѣтельству Загоровскаго (†1580), „особы убогіе а здоровья неспособнаго люди“, какими они оставались всегда, вплоть до настоящаго времени, по даннымъ историческихъ актовъ. Инициатива въ созданіи думъ могла принадлежать и „старцамъ“, но не шпитальнымъ, а былевымъ валикамъ-перехожимъ, страствующимъ бѣднякамъ воинамъ-пѣвцамъ.

Последняя глава (VI) состоитъ изъ старинной записи думъ, по рукописи начала текущаго вѣка, принадлежавшей А. А. Котляревскому, съ перечисленіемъ вариантовъ. Всѣхъ пѣсенъ въ рукописи 16; изъ нихъ три думы (атаманъ Матіашъ, вдова Ивана Сирка и разговоръ Днѣпра съ Дунаемъ) равнѣ извѣстны были въ небольшихъ извлеченіяхъ Костомарова въ „Русской Мысли“. Подстрочныя указанія вариантовъ несовсѣмъ полны. Такъ, оставлены въ сторонѣ варианты думъ въ польскихъ этно-

графическихъ сборникахъ, и кое-какіе изъ русскихъ источниковъ, напр. вар. думы объ Алексѣѣ Поповичѣ въ „Кіев, Стар.“ 1885 г. II 215.

При всемъ томъ „Мысли“ г. Ж. составляютъ цѣнный вкладъ въ научную литературу о малорусскихъ думахъ.

В. П. Милорадовичъ.

Имя В. П. Милорадовича не встрѣчается въ „Ист. рус. этн.“ г. Пыпина, и это вполне естественно, такъ какъ первый этнографическій трудъ г. М.—сборникъ свадебныхъ пѣсенъ—напечатанъ въ Кіев. Стар. 1890 г. подъ инициалами В. М., и полную подпись автора мы находимъ впервые лишь въ 1893 г., пригомъ въ такомъ малодоступномъ органѣ печати, какъ Полтавскія Губ. Вѣдомости. Г. Милорадовичъ принадлежитъ къ числу мѣстныхъ этнографовъ, непосредственно черпающихъ изъ народныхъ устъ; это этнографъ Лубенщины, точнѣ сѣверной части лубенскаго уѣзда. Этнографическія записи г. М. отличаются подробностью, обиліемъ интересныхъ мелочей, а изложеніе ихъ въ печати искусной группировкой. Эти достоинства обусловлены крупнымъ образовательнымъ цензомъ автора и его хо-рошимъ личнымъ знакомствомъ съ народомъ.

Василій Петровичъ Милорадовичъ родился въ 1845 году, дѣтство провелъ въ х. Пручанхъ прилукскаго уѣзда, въ верстѣхъ отъ Сокиринецъ, подъ впечатлѣніемъ думъ Остапа Вересая, „Записокъ о южной Руси“ Кулиша и затѣмъ „Основы“. Въ 1869 г. онъ окончилъ курсъ наукъ въ харьковскомъ университетѣ кандидатомъ юридическихъ наукъ, былъ нѣкоторое время помощникомъ присяжнаго повѣреннаго при полтавскомъ окружномъ судѣ, съ 1875 г. мировымъ судьей въ лубенскомъ уѣздѣ и оставался въ этой должности до 1890 г.—до закрытія мировыхъ учреждений съ введеніемъ института земскихъ начальниковъ. Что г. М. не только хорошо ознакомился съ крестьянами, но пользовался съ ихъ стороны уваженіемъ и любовью, видно изъ благодарственнаго адреса, поднесеннаго ему при выходѣ въ отставку жителями м. Лукомья. Одно время г. М. испол-

нял должность предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей, до избранія въ послѣднюю должность М. Т. Симонова (Номиса).

„Свадебныя пѣсни въ лубенскомъ у. полтавской губ.“ напечатаны въ приложеніи къ 7, 8 и 9 кн. „Кіев. Стар.“ 1890 г. Всѣхъ пѣсенъ 259 №№, цифра крупная, сравнительно съ другими сборниками. Записаны пѣсни въ сѣверной части лубенскаго у., преимущественно въ м. Свѣтинѣ и въ окрестныхъ селахъ—мѣстности, неизслѣдованной въ этнографическомъ отношеніи. Пѣсни распределены въ порядкѣ свадебнаго ритуала: сватовство, гильце и т. д. Языкъ совершенно чистый, правильный. Есть довольно большія пѣсни (напр. №№ 39, 67, 237). Вообще, по величинѣ и художественности свадебныя пѣсни, собранныя г. М., заслуживаютъ вниманія. Весьма нѣжными и своеобразными представляются пѣсни подъ №№ 64, 66, 82, 84, 104, 105, 112, 163, 242.

Статья „Рождественскія святки въ сѣверной части лубенскаго уѣзда“ напечатана въ 42, 43, и 44 №№ Полтав. Губери. Вѣдом. 1893 г. и потомъ вышла въ отдѣльныхъ оттискахъ. Описанію рождественскихъ праздниковъ въ южной части лубенскаго уѣзда по рѣкѣ Оржицѣ посвящено нѣсколько писемъ Номиса въ „Основѣ“ 1861 г. Статья г. М. относится къ сѣверной Лубенщинѣ и трактуетъ о святкахъ гораздо подробнѣе, чѣмъ о томъ трактовалось въ живыхъ, но слишкомъ малочисленныхъ письмахъ Номиса. Статья г. М. раздѣлена на слѣдующія небольшія главы: Святвечирь, Риздво, Колядки, Меланки, Щедрикы, Гадавія, Новый годъ, Голодный святвечеръ и Ордань. Въ главѣ о святвечерѣ отмѣчено семейное значеніе праздника и въ частности поминальный его характеръ. Кутью оставляютъ и для умершихъ. По любопытному народному вѣрованію, „на стѣнѣ бываютъ видны смутныя отраженія маленькихъ, какъ куклы, тѣней, спускающихся къ столу“. Въ силу такого повѣрья набожные люди проводятъ ночь подъ Рождество въ чтеніи молитвъ. Въ главѣ о Риздвѣ говорится о праздничныхъ кушаньяхъ и вѣшнихъ приѣмахъ колядованія, въ частности 2—3 слова объ искаженіяхъ колядокъ, искаженіяхъ, любопытныхъ для изучающаго народную этимологию (вм. Назареть—лазареть);

но замѣчаніе автора, что Вифлеемъ передѣлывается въ „прекрасный клеетъ“, вѣроятно, ошибочно, въ виду того, что такому искаженію гораздо скорѣе могло подвергнуться слово Назаретъ. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 14 колядокъ на извѣстные мотивы о переписи городовъ, взятіи въ дань красной дѣвицы, о райскихъ пташкахъ, о строеніи церкви волохами (подробно разобраны во II т. „Объясненій“ *Потемки*). Авторъ указываетъ на сходныя колядки въ сб. Чубинскаго и Антоновича и Драгоманова. Вообще, всѣ колядки г. М. очень древняго склада и принадлежать къ лучшимъ образцамъ этого рода народной словесности. Одна колядка представляетъ сокращеніе и передѣлку думы про Ивася Коновченка. Есть и новые мотивы, напр., любопытный мотивъ о дѣвицѣ и косаряхъ. Въ главѣ о Меланкѣ находится интересное сообщеніе о мѣстныхъ переряживаніяхъ и разыгрываніи фарса объ ухаживаніи стараго волокиты за дѣвицей. Въ слѣдующей затѣмъ главѣ приведено 11 щедровокъ, съ своеобразной передѣлкой евангельскихъ повѣствованій; съ любопытными народно-психологическими и бытовыми подробностями (напр. о причинахъ неудовольствія дочери на родителей за подарки), между прочимъ, одинъ сравнительно не важный вариантъ стиха о грѣшной душѣ. Въ главѣ о гаданіяхъ подъ новымъ годъ большею частью говорится о гаданіяхъ, отличныхъ отъ описанныхъ у Чубинскаго. Въ послѣдней маленькой главѣ находится замѣтка о гаданіи по полету птицъ (о гаданіи по полету птицъ см. *Сумцова*, Культурн. переживанія § 127).

Вообще записи г. М. отличаются такими интересными въ научномъ отношеніи подробностями, что нельзя не пожелать продолженія ихъ, тѣмъ болѣе, что, судя по изданнымъ матеріаламъ, въ народной словесности мадоруссовъ лубенскаго уѣзда еще хранятся любопытныя отзвуки старины.

В. Н. Ястребовъ.

18 октября 1892 г. въ Елисаветградѣ былъ открытъ наметникъ на могилѣ похороненнаго тамъ извѣстнаго слависта Б. И. Григоровича. На открытіи присутствовали и говорили рѣчи

профессоры Новороссійскаго университета А. П. Кирпичниковъ и
 Ѳ. И. Успенскій. Высокая личность и дѣятельность покойнаго В.
 И. Григоровича, какъ широко образованнаго и талантливаго про-
 фессора, какъ ученаго ветерана-слависта, византиниста и южно-
 русскаго этнографа и археолога, разносторонне оцѣнены его
 собратями по наукѣ и преемниками по университету. Тогда же
 преподаватель мѣстнаго реального училища В. Н. Ястребовъ
 сказалъ рѣчь „о значеніи памятника для мѣстнаго общества“.
 „Когда, по окончаніи курса въ одной отдаленной гимназій, го-
 ворилъ г. Я., я пришелъ проститься къ учителю словесности и
 сказалъ ему, что ѣду въ одесскій университетъ, онъ, просіявъ
 лицомъ, сказалъ мнѣ: „тамъ Григоровичъ“! Когда потомъ я
 за тѣмъ же пришелъ къ учителю исторіи, онъ повторилъ: „тамъ
 Григоровичъ“!—Я замѣтилъ, что онъ завидовалъ мнѣ. Оба они
 были слушателями покойнаго въ Казанскомъ университетѣ. И
 вотъ я, духовный внукъ его, въ свою очередь имѣлъ счастье
 сдѣлаться его ученикомъ. Быстро пролетѣли короткіе четыре
 года. Я кончилъ курсъ въ университетѣ и пріѣхалъ учитель-
 ствовать въ Елисаветградъ—и Викторъ Ивановичъ въ томъ же
 году вышелъ въ отставку и поселился тоже въ Елисаветградѣ.
 И я былъ у него здѣсь на окраинѣ города, въ его маленькой,
 болѣе чѣмъ скромной квартирѣ, переполненной книгами, видѣлъ
 его совершенно, повидимому, здоровымъ, слушалъ его, по обык-
 новенію, оживленную бесѣду, а черезъ короткое время помс-
 галъ нести гробъ его на мѣсто послѣдняго упокоенія...

Памятникъ знаменитому ученому открыть, освященъ и
 сдѣлался достояніемъ города; кладбище опустѣло; торжество
 наше близится къ концу; дорогіе гости скоро покинутъ насъ, и
 жизнь нашего города снова пойдетъ своимъ чередомъ... Позволю
 себѣ откровенно высказать опасеніе: не прійдутъ ли кому либо
 изъ отъѣзжающихъ гостей такія мысли: зачѣмъ Елисаветграду
 достался этотъ прекрасный памятникъ? не лучше ли было бы
 этому памятнику находиться въ какомъ-нибудь центрѣ? Для
 кого здѣсь будетъ онъ выполнять свое назначеніе и не будетъ
 ли онъ забытъ и самъ, и забытъ очень скоро?

Мнѣ пріятно думать, что открытый нынѣ памятникъ выполнитъ свое назначеніе и для нашей ближайшей округы, и я полагаю, что имѣю достаточныя основанія для такого ожиданія. Вотъ они.

Во вновь открытый Новороссійскій университетъ покойнаго привлекла, главнымъ образомъ, разноплеменность нашего края, въ связи съ географической и исторической близостью его къ Византіи и Славянамъ. Въ зависимости отъ общаго направленія его трудовъ, въ Одессѣ онъ началъ усердно записаться мѣстной этнографіей и исторіей: ставилъ новые вопросы, открывалъ новыя перспективы, объѣхалъ лично нашъ югъ отъ Днѣстра до Азовскаго моря, осматривалъ церкви и архивы, прислушивался къ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ, записывалъ названія урочищъ,—рекомендовалъ и студентамъ темы по этнографіи для сочиненій. Самое переселеніе его въ нашъ городъ было дѣломъ обдуманнаго выбора. Не на покой пріѣхалъ къ намъ отставной профессоръ, а для новыхъ трудовъ. Сюда влекли его воспоминанія о Новой Сербіи, которая была колони-заціоннымъ ядромъ для Новороссійскаго края, сюда манила его перспектива знакомства съ вѣрными хранителями старины—старообрядцами, владѣющими здѣсь драгоценнымъ лицевымъ евангеліемъ и другими рукописными старопечатными книгами, Елисаветградъ представлялся ему городомъ, въ меньшей степени, нежели многіе другіе города Новороссіи, поглощеннымъ меркантильными интересами. Вскорѣ по пріѣздѣ сюда онъ собирался предпринимать, если даже и не предпринималъ на дѣлѣ, поѣздки по селамъ, съ цѣлью личныхъ опросовъ мѣстныхъ жителей, и настойчиво призывалъ къ тому же встрѣтившихъ его здѣсь учениковъ. Онъ дѣятельно искалъ помощника въ собираніи свѣжаго метеріала, какъ будто хотѣлъ начать жизнь сначала. Древній мудрецъ, Викторъ Ивановичъ, всегда носилъ въ себѣ искру Божію и тоже искалъ,—искалъ коренного новороссійскаго туземца, хранителя старины и производителя въ великомъ дѣлѣ народнаго самосознанія,—искалъ—и не одинъ разъ находилъ такихъ туземцевъ. Какою свѣтлою радостію блестяли его глаза, когда говорилъ онъ намъ о трудѣ одного мѣстнаго свя-

щеника по географіи и исторіи края, трудѣ, изобилующемъ фактическими свѣдѣніями, старательно и съ любовью собранными!

Съ тѣхъ поръ прошло всего 16 лѣтъ, но и въ этотъ незначительный промежутокъ времени мы можемъ насчитать цѣлый рядъ такихъ скромныхъ, но полезныхъ трудовъ мѣстныхъ дѣятелей и убѣдиться, что пытлиность къ родной старинѣ и къ современному быту расцвѣтъ въ мѣстномъ населеніи, хотя и тихо, но неизмѣнно. Правда, въ большихъ городахъ, научныхъ центрахъ, работниковъ науки больше, чѣмъ въ нашей глуши, но тамъ есть для нихъ руководство и совѣтъ живыхъ людей, тамъ есть университеты, ученыя общества. У насъ ничего этого нѣтъ. Такъ не жалѣйте же, что, въ замѣвъ всего этого, у насъ останется одна дорогая могила!

Не забудеть ея, прійдетъ къ этой могилѣ туземець, обнажить голову и помолится объ упокоеніи души покойнаго. У подножія этого памятника почерпнетъ онъ уваженіе къ знавію, интересъ къ окружающему населенію и къ его прошлому и, какъ тяглый работникъ, по выраженію покойнаго, примкнетъ къ общей дружной работѣ на пользу народнаго самосознанія¹⁾.

Рѣчь В. Н. Ястребова мы привели почти цѣликомъ, для обрисовки нравственныхъ и научныхъ симпатій самого г. Ястребова. Въ теченіе многихъ лѣтъ г. Ястребовъ въ скромномъ положеніи преподавателя въ Елисаветградскомъ реальномъ училищѣ продолжаетъ дѣло Григоровича. Онъ работаетъ для науки, для народнаго самосознанія и просвѣщенія, и въ итогѣ получается такая сумма дѣятельности, что мы имѣемъ полное основаніе считать г. Ястребова не только „тяглымъ работникомъ“, но „собратомъ по наукѣ“. По разнообразію и достоинству научныхъ трудовъ г. Ястребовъ является, прямымъ продолжателемъ своего достойнаго учителя-профессора. Г. Ястребовъ поддерживаетъ живыя связи съ наиболее дѣятельными учеными обществами, работаетъ далѣе, какъ практикъ

¹⁾ Оттискъ изъ III-го тома „Лѣтописи Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ“.

педагогъ, не забывая простого народа, для духовныхъ потребностей котораго г. Ястребовъ составилъ недавно популярную книжку о дѣтствѣ Петра Великаго.

Почтенная научная дѣятельность В. Н. Ястребова служить живымъ опроверженіемъ мнѣнія о невозможности работать въ провинціи. Работать можно, хотя, разумѣется, провинціальному ученому приходится затрачивать на научныя изслѣдованія болѣе энергіи, болѣе труда, при недостаткѣ пособій, и потому такая дѣятельность заслуживаетъ особеннаго общественнаго одобренія и признанія. Научное достоинство трудовъ г. Ястребова въ достаточной мѣрѣ опредѣляется уже тѣмъ, что археологическія его изслѣдованія изданы петербургскимъ и московскимъ археологическими обществами, а этнографическія— историко-филологическимъ обществомъ при Новороссійскомъ университетѣ. Наиболѣе крупныя изслѣдованія г. Ястребова посвящены археологіи; здѣсь мы не будемъ на нихъ останавливаться. Отмѣтимъ только обширное изслѣдованіе *о Лядинскомъ и Томниковскомъ мошльникахъ* тамбовской губ., изданное петербургской археологической комиссіей въ 1893 г. съ 15 таблицами рисунковъ и съ 51 политипажемъ въ текстѣ, и весьма цѣнный *„Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи*, нап. въ XVII т. „Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей“ 1894 г. Нельзя не пожелать, чтобы и въ другихъ „губерніяхъ“ оказались такіе „Опыты“. Трудъ г. Ястребова можетъ служить образцомъ и руководствомъ. Книга составлена отчасти по матеріаламъ, бывшимъ уже въ печати, большей частью, по свѣже-собраннымъ матеріаламъ, доставленнымъ 56 корреспондентами изъ сельской интеллигенціи. Кромѣ того, авторъ собралъ много новыхъ свѣдѣній путемъ личнаго опроса мѣстныхъ жителей. Собранныя такимъ путемъ свѣдѣнія г. Ястребовъ расположилъ въ такомъ ясномъ и систематическомъ порядкѣ: 1) находка оружія и орудій, 2) находки монетъ, 3) менгиры, изображенія и надписи на камняхъ, каменные бабы, 4) находки древностей разнаго рода, 5) мастерскія и копья, 6) находки костей и могилъ, 7) пещеры и подземные ходы, 8) дольмены, 9) земляные валы, 10) городища и селища

и 11) курганы. Детальное распределение материала идетъ по уѣздамъ и селамъ въ алфавитномъ порядкѣ. Вообще книга эта имѣетъ значеніе настольной справочной книги при изученіи южно-русской археологій, въ особенности археологій херсонскаго края.

Небольшія статьи по археологій напечатаны въ „Кіев. Стар.“ (большей частью рецензіи) и въ Археол. Изв. и Зам. Особенно интересны статья о *Херсонесѣ Таврическомъ* въ Кіев. Стар. 1883 г. № 5 и ст. „*Поездка на островъ Каменоватый*“ (на Днѣпрѣ) въ Археол. Изв. и Зам. 1894 № 5.

Этнографическій матеріалъ собранъ г. Ястребовымъ въ двухъ сѣверныхъ уѣздахъ херсонской губерніи въ теченіе десяти лѣтъ. Херсонская губернія, какъ видно изъ изданныхъ описаній ея уѣздовъ, отдѣльныхъ селеній (Балай одесскаго уѣзда, Дмитровка александровскаго) и волостей (Евтеньевская, Щербановская волости) отличается разнообразіемъ этнографическаго состава населенія, большинство котораго составляютъ малоруссы; здѣсь рядомъ съ послѣдними живутъ и бѣлоруссы, и великоруссы, и молдаване, и нѣмцы, и поляки, и евреи, и греки, и болгаре. Переселившись изъ разныхъ концовъ Россіи и Европы (напримѣръ—изъ пензенской, харьковской, кіевской и моголевской губерніи, изъ Виртемберга, Пруссіи, острова Даго, изъ Турціи, Македоніи, Румыніи и т. п.), въ теченіе послѣдняго столѣтія они сжились одинъ съ другими и вошли въ болѣе или менѣе близкія отношенія, смотря по болѣе или меньшей общественности народнаго характера. Одни изъ народовъ обнаруживаютъ склонность къ обмалоруссиванію (напр. молдаване, болгары, отчасти поляки изъ Галичины и Юго-западнаго края), другіе (какъ нѣмцы, евреи) удерживаютъ извѣстныя черты своей національности; но всѣ уже почти умѣютъ говорить по малорусски, и языкъ малорусскій сталъ для нихъ какъ бы международнымъ, въ родѣ того, какъ на Кавказѣ такимъ языкомъ для сношеній между собой разныхъ народностей сталъ языкъ татарскій. Смѣшанный характеръ населенія отразился въ языкѣ и содержаніи малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ въ смыслѣ принесенія новыхъ элементовъ и порчи старыхъ.

Въ 1893 г. вышла весьма интересная статья г. Ястребова „*Малорусскія прозвища Херсонской губерніи*“. Тема эта едва была ранѣ затронута въ печати. Матеріалъ приходится собирать по крохамъ. Г. Ястребовъ въ елисаветградскомъ и александрійскомъ уѣздѣ собралъ до 400 прозвищъ съ объясненіями и расположилъ ихъ по внутренней связи ихъ съ разными проявленіями крестьянской жизни, личной и общественной. Въ статьѣ разобрано много любопытныхъ замѣтовъ о значеніи прозвищъ для изученія языка, о томъ, когда, кѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ они даются, объ отраженіи въ прозвищахъ представлений о физическихъ и духовныхъ свойствахъ, народныхъ порокахъ, религиозно-нравственныхъ понятіяхъ, о переходѣ личныхъ прозвищъ въ топографическія названія, о превращеніи прозвищъ въ поговорки, пословицы, дѣтскія пѣсенки и пѣсенныя перебранки. Въ статьѣ 17 страницъ, но при мелочности отдѣльныхъ фактовъ статья въ 17 стр. представляется большой и содержательной.

Вышедшіе въ 1894 г. „*Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края*“ состоятъ изъ 2 частей: въ 1-ю вошли „сுவѣрія и обряды“, во 2-ю „легенды, сказки и рассказы“. Въ совокупности это книжка въ 202 стр. довольно разнообразнаго содержанія. Ориентироваться въ книгѣ при справкахъ довольно легко, благодаря приложенному въ концѣ предметному указателю. Матеріалъ распределенъ въ такомъ порядкѣ: представленія о внѣшнемъ мірѣ (сюда вошли и народный календарь); представленія о человѣкѣ (народная медицина, демонологія, свадьба и пр.), легенды, сказки и топографическія названія съ мѣстными объясненіями. Кое-гдѣ, преимущественно въ сказкахъ, сдѣланы ссылки на другіе сборники малорусскихъ сказокъ. Вообще, въ сборникѣ видна редакторская рука, заботливость о распорядкѣ и системѣ, внимательное отношеніе къ интересамъ науки и читателя. „Изъ того сырья (говоритъ г. Ястребовъ въ краткомъ предисловіи), которое накопилось у насъ за десять лѣтъ, мы предлагаемъ здѣсь только то, для чего или вовсе не нашли прямыхъ аналогій въ печатныхъ сборникахъ, или нашли варианты, разнящіеся въ подробностяхъ. Отъ такой осторожности

сборникъ лишь выигралъ. Затѣмъ, по части языка записей, г. Ястребовъ высказываетъ мнѣніе, на мой взглядъ весьма основательное, которое и я высказалъ немного ранѣе въ печати (въ рецензій на Бѣлор. Сборникъ Романова), что „записи, ставяція себѣ цѣлью изученіе діалектовъ, должны быть производимы особо отъ этнографическихъ въ собственномъ смыслѣ, спеціально къ тому подготовленными и особенно въ этомъ заинтересованными лицами“. Какъ трудно записывать образцы діалектовъ съ спеціально филологическими цѣлями и какъ мало тутъ значитъ количество записей передъ качествомъ ихъ, можно наглядно убѣдиться на записяхъ специалистовъ филологовъ *М. Е. Хаманскаго* и *А. В. Ветухова* въ „Рус. Фил. Вѣстникъ“ и г. *Будде* въ XXI кн. „Этногр. Обзорнія“.

Остановимся подробнѣе на нѣкоторыхъ частностяхъ:

На стр. 9 находится нѣсколько сообщеній объ антидемоническомъ значеніи мартовскаго щенка, что подтверждаетъ предположеніе, что и названіе такой собаки „*Ярчукъ*“ должно быть произошло изъ „*марчукъ*“. О ярчукахъ кое-что уже было въ сборникахъ Авананасьева, Чубинскаго, Садовникова, Иванова. Спеціальное изслѣдованіе о противодемоническомъ значеніи собаки принадлежитъ проф. В. Θ. Миллеру (преимущественно объ иранскихъ повѣрьяхъ); кое-что любопытное въ этомъ отношеніи было въ *Revue d. trad. populaires* 1890 г.

На стр. 11 попала *нисенитныця*, „отчего зайцы куцы“, которой умѣстиѣе быть въ концѣ книги, на стр. 178—180, въ ряду съ двумя другими *нисенитныцями*. Объ этомъ своеобразномъ видѣ народнои словесности мы вкратцѣ упоминали въ ст. о Д. И. Эварницкомъ въ 1 ч. „Современ. Малор. Этн“. *Нисенитныця* или *небылица*—навязываніе глупостей встрѣчается въ словесности славянскихъ, романскихъ и германскихъ народовъ, причемъ даже въ этой области обнаруживаются любопытныя черты совпаденія и сходства.

На стр. 19 находится любопытный разсказъ о выборѣ птицами царя, о полетѣ маленькой птички выше большой (сидѣла на спиѣ большой), что частями напоминаетъ малорусскую сказку про вувушку у Чубин. I, 763 и м. вгольскую сказку про

то, какъ журавль несъ на спинѣ маленькую птичку богоргоно, у *Потанина* въ Очерк. сѣв.-зап. Монг. IV 629.

Сказаніе о полозѣ на стр. 19 можно пополнить тѣмъ, что ранѣе сообщено о полозахъ у *Манжуры*, *Новицкаго* и г. *Калаша* (упом. въ 1 ч. *Соврем. малор. этногр.*).

Небезынтересны краткія сообщенія о писанкахъ на стр. 28—29, какъ дополненіе къ моей ст. о писанкахъ въ *Кіев. Стар. Болгарскія названія писанокъ* на стр. 29, повидимому, заимствованы у малоруссовъ.

Въ сборникъ вошло нѣсколько любопытныхъ заговоровъ; но они слишкомъ разбросаны (стр. 11, 14, 45 и др.).

Г. Ястребовъ обратилъ вниманіе на нѣкоторые подробности народнаго быта, ранѣе упущавшіяся изъ виду, напр., на проклятія и брань (стр. 41), освященіе колодцевъ (63), дѣтскія игрушки (88), дѣтскія шутки-шалости (89), народныя карточныя игры (106).

Сказанія объ одноглавыхъ людѣдахъ песиголовцахъ на стр. 80—83 болѣе относятся ко второму отдѣлу, чѣмъ къ первому. Здѣсь довольно близко воспроизводятся сказки о Лихѣ одноглазомъ, извѣстныя по болѣе раннимъ сборникамъ, причемъ обнаруживается большое сходство съ гомеровскимъ сказаніемъ о Полифемѣ.

Всѣхъ сказокъ, легендъ и анекдотовъ 41; содержаніе большей частью извѣстное; по формѣ варианты слабыя и малозначительныя, съ краткими и невыдержанными мотивами. На новороссійской почвѣ сказки, повидимому, упрощаются и сокращаются. Легенды о дружбѣ бога съ чортомъ, о женскомъ господствѣ и др. (№№ 1—5) изъ общеизвѣстныхъ о сотвореніи міра Богомъ и сатаной, о томъ, какъ злая жена побила апостола на ночлегѣ. Малорусскіе варианты указаны самимъ издателемъ.

Сказка про баранчика (№ 6) и про царильнива (№ 22) представляютъ краткіе пересказы широко распространенной сказки, малор. варианты которой указаны г. Ястребовымъ, а болѣе полныя западно-европейскіе въ большомъ числѣ собраны у *Cosquin*, *Contes popul. de Lorraine* §§ 4, 39, 42, 56, 59, 71 и въ сборникѣ франц. легендъ *Legel* см. по указателю въ концѣ

III т. подъ сл. *baguette*. Добавимъ здѣсь еще бѣлорусскую у *Добровольскаго* I 693 и польскія въ сборникахъ *Хельговскаго* №№ 24, 38 и *Цишевскаго* 168.

Сказка о чортахъ (№ 10) представляетъ вариантъ любопытнаго цикла сказокъ о мученіи хлѣба, съ замѣной хлѣба прядивомъ. Мнѣ извѣстны сходныя сказки бѣлорусская (въ Бѣлор. сб. Романова) и румынская (въ сб. Кремнитцъ).

Сказка „Заливный вовекъ“ (№ 13), повѣствующая о помощи, оказанной герою чудесными собаками Чутко и Важко, хорошо извѣстна и западно-европейскимъ народамъ, какъ видно изъ сборника *Коскена*.

Въ сказкѣ подъ № 15 „про змія“ воспроизводится широко-распространенный мотивъ о запрещенной комнатѣ, о чемъ см. подробности у *Cosquin* № 38.

Сказка про двоихъ братьевъ (№ 27) говоритъ о переносѣ трупа, чрезвычайно популярная тема, о чемъ подробно у *Cosquin* подъ № 80 и кромѣ того у *Аванасьева* Рус. нар. сказки IV 502, *Bedier* Les fabliaux (Le cristain du Cluny), *Kolberg* Pokucie IV 252, *Zbiór wiadomości* VIII 301.

Сказка подъ № 33 про лихую жинку—отзвукъ западнаго фавль о притворномъ мертвецѣ, о чемъ подробно мы говорили въ Киев. Стар. 1894 г.

Сказка подъ № 34 („Дѣдъ и баба“) относится къ весьма популярной темѣ о бабахъ до неба и мѣнѣ съ пониженіемъ предметовъ; обширная литература отчасти указана намъ въ академич. рецензіи на Бѣлор. сб. Романова.

Анекдотъ о литвинѣ, которому медвѣдь откусилъ голову (подъ № 41), встрѣчается въ Бѣлоруссіи (во 2 т. Матеріаловъ II. В. Шеина) и у болгаръ (въ VIII т. Сборника Шапварева).

Въ сборникѣ г. Ястребова встрѣчается нѣсколько оригинальныхъ сказокъ и анекдотовъ, повидимому, впервые записанныхъ изъ народныхъ устъ; такова юмористическая сказка про Чепурыся (№ 26), или о томъ, какъ глупый мужикъ отдалъ своего бычка дьячку въ обученіе и потомъ повѣрилъ, что его бычекъ сдѣлался человѣкомъ и сталъ губернаторомъ, затѣмъ анекдотъ про лѣнивыхъ мужа и жену (№ 30), и двѣ или три

другихъ малозначительныхъ. Вообще, сборникъ г. Я., на ряду съ другими сборниками, свидѣтельствуесть, что народъ живесть традиціонными запасами народнаго творчества, почти ничего не прибавляя къ нимъ.

Изъ небольшихъ этнографическихъ замѣтокъ г. Ястребова, разбросанныхъ въ Киевской Старинѣ, отмѣтимъ здѣсь, какъ наиболѣе интересныя, пѣсню о сербѣ въ „Киев. Стар.“ 1884, XII (сербъ обрисованъ щеголемъ и бездомнымъ кутилой), гайдамацкую пѣсню о лѣсѣ Чутѣ въ „Киев. Стар.“ 1885 XII, варианты сказки о невѣрной женѣ въ „Киев. Стар.“ 1884 IV, и народныя пѣсни Херсонскаго края въ „Киев. Стар.“ 1894 III (волыбельныя и свадебныя), святочныя пѣсни ib. 1894 II.

Въ небольшой замѣткѣ г. *Вейсенберга* о малорусскихъ писанкахъ, напечатанной въ *Zeitschrift für Ethnologie* 1894 V стр. 340, находится интересное сообщеніе, что В. Н. Ястребовъ собралъ большую коллекцію писанокъ и готовитъ о нихъ спеціальное изслѣдованіе.

С. А. Чернявская.

Въ то время, какъ этнографическіе труды г. Ястребова знакомятъ насъ съ сѣверной частью херсонщины, Софья Андреевна Чернявская даетъ любопытный матеріалъ для ознакомленія съ крайнимъ югомъ херсонской губерніи, съ бытомъ, повѣрьями и пѣснями малоруссовъ села Вѣлозерки херсонскаго уѣзда. Сборникъ г-жи Чернявской, объемомъ около 3 печ. листовъ, изданъ въ 1893 г. въ V т. Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества. Матеріалъ собранъ въ 1888—1889 годахъ, по этнографической программѣ Русскаго Географическаго Общества, и, согласно съ этой программой, распадается на календарь народный и сборникъ пѣсенъ; въ началѣ сборника находится краткое описаніе села.

Дневникъ мало интересенъ, такъ какъ эта сторона весьма подробно ранѣе была представлена у Чубинскаго, Терещенка и Калинскаго. Въ дневникъ вошла популярная легенда о воскресемъ пѣтухѣ (обширнѣйшая литература приведена у *Child*,

The english and scot. ballads въ 1 т. подъ № 23) и повѣрья о вѣдьмахъ.

Гораздо болѣе интересны пѣсни, снабженныя со стороны редакціи библиографическими ссылками на сборники Максимовича, Антоновича и Лысенка. Сюда вошли 112 пѣсень свадебныхъ въ порядкѣ весильнаго ритуала, краткія, большей частью уже извѣстныя по сборникамъ Чубинскаго, г-жи Марковой въ альманахѣ „Степь“, Николайчика въ „Кіев. Старинѣ“, Головацкаго и др. Далѣе слѣдуютъ 9 сухихъ колядокъ школьнаго происхожденія, 7 щедривокъ, 3 веснянки, 1 обжинковая, десять историческихъ (про Савву Чалаго, про Нечая, о паденьѣ Запорожья, о Джемберѣ, о Платонѣ, т. е. Платовѣ). Мѣстами въ историческихъ пѣсняхъ попадаются любопытныя мелочи, напр.: въ думѣ про Нечая сказочный мотивъ о полетѣ Нечая выше дерева, взятый изъ сказокъ о вѣдьмахъ. Далѣе идутъ 82 пѣсни рекрутскія, солдатскія, чумацкія и семейно родственныя, причѣмъ нѣкоторыя очень слабыя и искаженныя. Отмѣтимъ балладную пѣсню на стр. 150 „И по той бижъ гора“ въ двухъ вариантахъ объ уводѣ дѣвицы. Редакція (А. А. Русовъ) указала на вариантъ у Чубинскаго и Коципинскаго. Встрѣчается эта пѣсня въ Рокисіе *Кольбера* II 84, *Купчанки* (подъ редакц. *Лоначевскаго*) стр. 407 № 61, „*Кіевск. Стар.*“ 1892 VI 407, *Омельченка* подъ № 1, *Головацкаго* I 130, *Zbior Wiadomosci* VIII. Всѣ эти варианты идутъ отъ польскихъ пѣсень, а послѣднія отъ западноевропейскихъ, которыя подробно указаны въ *The english ballads Child'a*.

Если не считать небольшого сборника пѣсень г-жи Марковой въ „Степи“, то сборникъ г-жи Чернявской представляется первымъ крупнымъ женскимъ вкладомъ въ этнографію; по полнотѣ и содержательности сборникъ г-жи Ч. уступаетъ лишь сборникамъ г-жи Мошинской на польскомъ языкѣ. Нѣсколько странно, что русская женщина, столь блестяще заявившая о себѣ на трудныхъ поприщахъ филантропіи, медицины и педагогіи, сторонилась до сихъ поръ отъ этнографіи, т. е. такой области знаній, гдѣ женскій трудъ можетъ быть въ особенности замѣтенъ. Женщина можетъ ближе подойти къ народу, чѣмъ мужчина,

въ особенности къ крестьянкѣ—этой главной хранительницѣ традицій пѣсенъ и обрядовъ. Въ польской этнографіи женскіе труды занимаютъ очень видное мѣсто, и въ частности собраніемъ малорусскихъ пѣсенъ занимались г-жи Мошинская, Томашевская, Рокасовская, Малиновская. Остается только пожелать, чтобъ примѣръ г-жъ Марковой и Черпявской въ дѣлѣ собранія памятниковъ народнаго словеснаго творчества не остался безъ подражанія.

М. Ф. Комаровъ.

А. Н. Пыпинъ въ III т. Ист. рус. этн. (стр. 411) замѣчаетъ: „упомянемъ еще о трудахъ М. Комарова, который въ альманахѣ М. Старицкаго „Рада“ (Кіевъ 1889) помѣстилъ весьма полезный „Показчикъ“ т. е. указатель новой украинской литературы, участвовалъ своими трудами въ „Кіев. Стар.“ и издалъ новое собраніе малорусскихъ пословицъ, загадокъ и заговоровъ: „Нова збирка etc.“ (Одесса 1891), гдѣ въ послѣсловіи читатель найдетъ подробный указатель литературы предмета, начиная съ 1829“. Къ этому добавимъ слѣдующее:

Михаилъ Феодоровичъ Комаровъ родился въ м. Дмитровкѣ павлоградскаго уѣзда екатериносл. губ., воспитывался въ екатеринославской гимназій, потомъ въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1867 г., служилъ при острогожскомъ окружномъ судѣ, потомъ былъ присяжнымъ повѣреннымъ въ Острогожскѣ и затѣмъ въ Кіевѣ, съ 1883 г. нотаріусомъ въ Умани и въ послѣднее время состоитъ нотаріусомъ въ Одессѣ. Въ 60-хъ годахъ во время студенчества, г. Комаровъ былъ учителемъ сельской школы въ с. Гавриловкѣ изюмскаго у. харьк. губ., и здѣсь началъ собирать произведенія устнаго народнаго творчества, что продолжалъ въ Нимецинѣ ново-москов. уѣзда екатериносл. губ. Изъ этого собранія два варианта думы про Савву Чалаго (съ замѣткой) напечатаны въ № 22 Екатериносл. Губ. Вѣдом. 1865 г. Сборникъ пѣсенъ былъ переданъ въ распоряженіе Юго-Зап. Отдѣла Геогр. Общества, что значитъ во II т. Записокъ Ю. З. Геогр.

Общ.; но вюрѣ отдѣлъ былъ закрытъ, и сборникъ г. К. въ числѣ другихъ матеріаловъ исчезъ безслѣдно¹⁾. Часть матеріаловъ, сохранившихся у г. К., издана въ 1891 г. въ „Новой Збиркѣ“. Сохранились значительные матеріалы для русско-украинскаго словаря, которые въ полѣднее время и печатаются по частямъ въ видѣ приложенія къ галицкой „Зорѣ“ подъ заглавіемъ „Россійско-украинскій словарь, зибралы и впорядкували М. Уманецъ и О. Спилка“. Небольшія статьи г. К. въ Киев. Стар. (см. по указателю 1893 г.) относятся къ исторіи литературы. Были мелкія статьи въ період. изданіяхъ „Дило“, „Зора“ и „Правда“. Г. К. напечаталъ нѣсколько хорошихъ книгъ для народнаго чтенія („Розмова про небо та землю“, „Розмова про земни сылы“, изд. въ Киевѣ 1874—1875 г.). Рецензію г. Степовича на „Нову Збирку“ см. въ „Киев. Стар.“ 1890 № 11.

Драгомановъ
са стр. 74-ую

П. Кузьмичевскій

Во II и III книгахъ „Кіевской Старины“ 1886 г. П. Кузьмичевскій напечаталъ статью „Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности“. Предоставляя другимъ изслѣдованіе взаимодѣйствія въ языкѣ, одеждѣ, утвари, кухнѣ, г. Кузьмичевскій отмежевываетъ себѣ анекдотическій отдѣлъ народной словесности. У турокъ множество анекдотовъ связано съ именемъ Насръ-Эдина-Хаджи, шута Тамерлана, причемъ одни анекдоты древнѣе Тамерлана, другіе—новѣе. Кромѣ множества устныхъ рассказовъ, у турокъ ходятъ рукописные и печатные сборники этихъ анекдотовъ. Г. Кузьмичевскій склоненъ видѣть вліяніе ихъ какъ на Востокъ Европы, у болгаръ, малоруссовъ, такъ и на Западѣ, въ сборникѣ фацецій Поджіо и въ рассказахъ объ Уленшигелѣ. Въ этихъ положеніяхъ автора есть преувеличенія, многіе изъ украинскихъ анекдотовъ, выводимыхъ авторомъ изъ турецкаго источника, идутъ прямо съ Запада, ближе стоятъ въ Западноевропейскимъ стариннымъ фацеціямъ и жартамъ. Такъ,

¹⁾ Недурно было бы разъяснить эту „безслѣдную“ пропажу этнографическихъ матеріаловъ. Прим. Н. С.

первый анекдотъ о цыганѣ, записанный въ Галиціи, не обнаруживаетъ прямой связи съ приведеннымъ авторомъ анекдотомъ о Насръ-Эддинѣ, проще и остроумнѣе послѣдняго. Второй малорусскій анекдотъ о подаркѣ кстати, очень безцвѣтный, также могъ возникнуть независимо отъ турецкаго вліянія, такъ какъ весьма популяренъ въ Европѣ съ римскихъ временъ (встрѣчается у Светонія). Въ малорусскихъ и турецкихъ анекдотахъ объ „умѣстной обстановкѣ“, „идеальной ждѣ“, „выздоровѣль, но умеръ“, „осель-муэдзинъ“ мы не можемъ найти ничего общаго, можетъ быть за ихъ краткостью и безцвѣтностью. Анекдоты о подаркѣ кстати (№ 2) и о посылкѣ на тотъ свѣтъ (№ 13) оставлены интересными литературными параллелями. Слабой стороной статьи представляется то обстоятельство, что нѣкоторые малорусскіе анекдоты (напр. №№ 2) переданы съ чужихъ словъ безъ точной записи, другіе (№ 3) въ литературной обработкѣ; существованіе нѣкоторыхъ только предполагается (№ 19 обь ослѣ муэдзинѣ): „слышали мы, помнится, нѣчто подобное“ (III 465). Въ малорусскихъ анекдотахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ самаго имени Насръ-Эддинъ-Хаджи, нѣтъ никакого опредѣленнаго личнаго приуроченія анекдотовъ. Это даетъ поводъ думать, что ни турецкій Насръ-Эддинъ, ни нѣмецкій Уленшпигель не проникали въ Украину въ личномъ типическомъ видѣ, что сюда заходили по всей вѣроятности съ Запада кое-какіе ихъ литературные обрывки, которые быстро получали мѣстную переработку и приурочивались къ домашнимъ анекдотамъ о жидахъ или цыганахъ въ своеобразной національной юмористической окраскѣ. Доискаться украинскаго первоисточника такого обрывка въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно; такимъ первоисточникомъ могъ быть или словоохотливый казнодѣй-проповѣдникъ, въ родѣ Радивиловскаго, или ученый бакалавръ, быть можетъ, побывавшій и въ нѣмецкихъ университетахъ, въ родѣ Гаваттовича, или странствующій монахъ, любитель бойкаго анекдота, въ родѣ Іоанна Вишенскаго, можетъ быть заѣзжій болтливый французъ, въ родѣ Боплана. Изъ кабинета ученаго, съ церковной кафедры, изъ панскаго двора анекдотъ, вольная передѣлка италіанской

новеллы или фацеціи, легко могъ проникнуть въ народѣ и получить здѣсь своеобразное толкованіе и своеобразное примѣненіе.

Въ III и IV кн. „Кіев. Старины“ 1887 г. напечатана обширная статья г. Кузьмичевского „*Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ*“. Авторъ замѣчаетъ въ началѣ статьи, что о вѣрѣстномъ правѣ есть много малорусскихъ пѣсень, весьма много пѣсень объ его отмѣнѣ, и только одну изъ нихъ признаетъ народною, при чемъ оазывается, что и эта пѣсня („Ой летила зозуля“) заграничнаго австрійскаго происхожденія; въ основѣ ея лежитъ „*Pisnĭ radosti*“, сложенная полякомъ вскорѣ по освобожденіи крестьянъ въ Галиціи въ 1848 г. Г. К. считаетъ „*Pisnĭ radosti*“ точкой отправленія галицкихъ русскихъ при сложеніи пѣсень о панщинѣ. Мнѣ кажется, что самъ авторъ „Пѣсни радости“ находился подъ сильнымъ вліяніемъ народной поэзіи, и если „Пѣснь радости“ оказала потомъ вліяніе на сложеніе пѣсень объ отмѣнѣ панщины, то потому что она сама проткана народно-поэтическими узорами. Это такая же мѣстно-галицкая смѣсь чертъ народныхъ и искусственныхъ, каковой на востокѣ Малороссіи въ 6. Слободской Украинѣ, а потомъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи является пѣсня Г. С. Сковороды „Нема въ свити правды“, въ противоположность первой своеобразная пѣсня печали. Пѣсни этого рода относятся къ промежуточной сферѣ между книжностью и народной словесностью и заключаютъ въ себѣ элементы той и другой въ тѣсномъ сочетаніи. Авторъ сначала приводитъ галицкіе варианты „Пѣсни радости“: „*Pisnĭ radosti*“ А. Л. двѣ пѣсни въ „Зорѣ Галицкой“ 1848 г., въ Основѣ 1862, въ III т. сборника Головацкаго и шесть вариантовъ, записанныхъ въ правобережной Украинѣ, три печатныхъ и три неизданныхъ. Въ Малороссіи пѣсни о „зозуленькѣ“, вѣщающей освобожденіе отъ пановъ, приурочены не къ 1861 г., а къ 1863 г., ко времени объявленія аграрныхъ льготъ послѣ польскаго возстанія. Въ середину статьи (IV 626—634) эпизодически введено нѣсколько искусственныхъ малорусскихъ виршъ объ освобожденіи крестьянъ, вѣроятно, семинарскаго издѣлія. Народомъ усвоена и разработана лишь одна выше отмѣченная пѣсня о зозуленькѣ, занесенная изъ Австріи. Запѣвъ

пѣсни о „Зовуленькѣ“ взять изъ колядокъ. Кукушка вѣщаетъ въ пѣсняхъ иногда радостныя, иногда печальныя вѣсти, о чемъ подробности см. въ „Объясн. малор. пѣсенъ“ *Потевни II* (колядки) 78—80, 724—737.

Въ 8 и 10 кн. „Кіевской Старины“ г. Кузьмичевскій помѣстилъ большую (въ 5 печат. листовъ) статью „*Шелудивый Бунякъ въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ*“. О шелудивомъ Бонякѣ сохранились извѣстія въ лѣтописяхъ, въ монастырскихъ историческихъ преданіяхъ и въ народныхъ сказаніяхъ. Въ лѣтописяхъ и преданіяхъ историческихъ онъ обрисованъ врагомъ народа, чародѣемъ, отрубленная его голова хотѣла уйти. М. Е. Халанскій и г. Голубовскій признаетъ за этими преданіями серьезное историческое значеніе. Г. Кузьмичевскій считаетъ сказанія о Бунякѣ за побѣги иранскихъ легендъ о Джемшидѣ, Ариманѣ и его порожденіи Дагакѣ, отголосками довольно темными и спутанными, что произошло, по мнѣнію г. К., съ одной стороны отъ долговременнаго пребыванія ихъ въ нашей народной средѣ, съ другой—что они дошли сюда не прямо, чрезъ посредство племень, населявшихъ южно-русскія степи. Не смотря на обширную эрудицію автора, на массу фактическихъ доводовъ, мы затрудняемся принять этотъ выводъ, по шаткости и загадочности иранскихъ образовъ о Варѣ и Джемшидѣ. Авторъ, увлекаясь сравнительнымъ методомъ изслѣдованія, ввелъ много постороннихъ литературныхъ мотивовъ. Статья читается съ трудомъ по причинѣ многихъ отступленій и побочныхъ экскурсовъ. Это цѣлый рядъ сравнительно-литературныхъ изслѣдованій по поводу отдѣльныхъ деталей въ преданіяхъ о Бунякѣ, изслѣдованій, несомнѣнно, любопытныхъ, но къ Буняку не относящихся (напр. экскурсъ о Коцеѣ).

Статья распадается на четыре главы. Въ первой главѣ г. К. приводитъ извѣстія лѣтописи, Іоанникія Галатовскаго въ „Небѣ Новомъ“ (ок. 1660 г.), *Krajowej galyciskiej Tabuly* и свящ. Гарасевича въ альманахѣ *Lwowianin* 1837 г. Сообщение Галатовскаго, что св. Николай помогъ кн. Роману рубить Буняка сведено г. К.—имъ къ церковнымъ легендамъ о явленіи Христа Константину Великому передъ битвой его съ Максентіемъ. Та

подробность, что отрубленная голова Боняка катилась, напоминает автору французскую легенду о парижском еп. св. Діонисіи и старинную русскую легенду о Меркуріи Смоленскомъ. Въ итогѣ получается выводъ о книжно-монастырскомъ характерѣ сказанія о Бунякѣ въ упомянутыхъ выше источникахъ и о позднѣйшемъ его образованіи, выводъ не совсѣмъ убѣдительный, такъ какъ мотивъ о катящейся головѣ могъ возникнуть и циркулировать безъ прямыхъ литературныхъ воздѣйствій церковной литературы. Помощь св. Николая кн. Роману, несомнѣнно, навѣяна житіемъ святителя, но и безъ этой подробности въ лѣтописномъ сказаніи о Бонякѣ и въ позднѣйшихъ о немъ историческихъ преданіяхъ обнаруживаются традиціонныя черты вражды и презрѣнія русскихъ къ половцамъ въ лицѣ ихъ воинственнаго и смѣлаго наѣздника Боняка, въ свое время причинившаго русскому народу не мало тревогъ и огорченій.

Во второй главѣ приведена галицко-русская сказка у Садока Баранчи и ея слабый вариантъ у Сѣмепскаго о томъ, какъ шелудивый Буняка, обрисованный въ этомъ случаѣ въ родѣ Віа (вѣки поднимали вилами), влюбился въ царицу Елену и погнался за ней, и когда ее сталъ защищать царевичъ, Буняка заклалъ ихъ, и царевичъ съ войскомъ и Еленой провалился подъ землю, откуда выйдетъ со временемъ для освобожденія Польши. Послѣдняя подробность, т. е. пребываніе царевича съ войскомъ подъ землей, даетъ автору поводъ къ обширному экскурсу объ откровеніи Меодія Патарскаго, о византійско-германской легендѣ объ императорѣ, спящемъ подъ землей, съ разными личными приуроченіями, о предполагаемыхъ иранскихъ первообразахъ этой легенды, азіатскихъ и европейскихъ ихъ отголоскахъ у буддистовъ, мусульманъ, евреевъ и христіанъ, о позднѣйшихъ приуроченіяхъ легенды къ Добошу, Шевченкѣ и Ст. Разину. Въ этомъ обширномъ кругѣ сравненій не вездѣ присутствуетъ основной мотивъ—пребываніе героя и его войска въ горѣ или подъ землей; райскій садъ Варъ подъ землей или подъ горой и выходъ изъ него народа Джемшида, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и если вводитъ его въ кругъ срав-

неній, то почему не привлечь сюда и сказанія африканскихъ и американскихъ дикарей о выходѣ первыхъ людей изъ горъ или изъ-подъ земли (приведены у Ревилля въ соч. *Les relig. des peuples non-civilisées*). Мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Кузьмичевскимъ, что въ древней иранской легендѣ о Имѣ находятся всѣ элементы сказанія о замкнутомъ въ подземельѣ царевичѣ и др. сродныхъ сказаній, хотя считаемъ возможнымъ другое предположеніе г. К., что Откровенія Меоодія Патарскаго заключаютъ въ себѣ иранскіе элементы и что иранскіе образы о заключенномъ подъ землю религиозно-національномъ героѣ могли проникать на западъ и сами собой устнымъ путемъ. Вообще эта область темная и загадочная, и свести всѣхъ героевъ, Марка-Королевича, Фридриха Барбарусу, ученика Будды Кассіаку, Дабаша, Стеньку Разина къ иранскому первоисточнику—дѣло рискованное, тѣмъ болѣе, что наряду съ героями, скрывшимися въ горѣ, могутъ оказаться герои, прикованные къ горѣ, какъ Прометей, зарытые въ землю, замурованные, какъ Ликургъ, Даная.

Эпизодъ о томъ, что царевичъ и царица провалились подъ землю, можетъ быть сближенъ съ многочисленными сказаніями о провалившихся городахъ (собраны въ большомъ числѣ въ *Revue d. trad popul.* 1890—1894).

Въ III гл. г. К. рассматриваетъ начало сказки о Бунякѣ и Еленѣ и приводитъ многочисленныя литературныя параллели изъ европейскихъ и азіатскихъ сказокъ объ униженной царевнѣ, о претензіозной невѣстѣ и людяхъ съ чудесными свойствами. Сюда привлечены сказочные мотивы о царевнѣ, загадывающей женихамъ загадки или дающей имъ задачи, и мотивы объ униженіи гордой царевны осмѣяннымъ ея женихомъ. Мотивы эти сведены къ индійскимъ образцамъ при посредствѣ статьи Бенфея въ *Ausland* 1858 г. о людяхъ съ чудесными свойствами. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ дано много цѣнныхъ бібліографическихъ указаній и историко-литературныхъ замѣтокъ. Такъ, разбирая въ одномъ примѣчаніи (на 242 стр.) сказочные мотивы прятанія (жениха отъ невѣсты царевны), авторъ высказываетъ общее замѣчаніе, что „сходство сказочныхъ образовъ

совпадаетъ не съ племеннымъ родствомъ народовъ, а съ ихъ географическимъ сосѣдствомъ“,

Послѣдняя IV глава весьма обширна (32 стран.) Авторъ здѣсь, по своему обыкновенію, даетъ гораздо болѣе матеріалу и заключеній, чѣмъ предполагаетъ исходный пунктъ изслѣдованія. Въ началѣ главы авторъ останавливается на сказаніяхъ народныхъ (въ свѣдѣн. г. Драгоманова и во львовской хроникѣ Іозефовича XVII в.) о Бунякѣ, какъ людоедѣ, о томъ, что Буняка, кромѣ смрадныхъ внутренностей, висѣвшихъ на спинѣ, лица, рукъ и ногъ, покрытыхъ кожей, не имѣлъ тѣла, что онъ убивалъ дѣтей или слугъ, замѣчавшихъ эти особенности, что только одинъ мальчикъ спасся, угостивъ Буняку коржиномъ, спеченнымъ на молокѣ матери его, мальчика. Чудовище приняло его за побратима и было убито имъ. Сказаніе о людоедѣ Бунякѣ авторъ сближаетъ съ монгольскимъ разсказомъ въ Шиддѣ-курѣ (передѣлка индійской книги *Vetala rantsa vincati*) и классической сказкой о Мидасѣ. Въ первомъ сынъ царя Данбинги, въ второй царь Мидасъ имѣютъ ослиныя уши и убиваютъ тѣхъ, кто замѣтилъ ихъ. Въ индо-монгольской сказкѣ повторяется подробность о побратимствѣ мальчика съ чудовищемъ. Въ статьѣ приведены на тему объ ушахъ Мидаса сказки новогреческая, сербская, ирландская и бретонская. Авторъ раздѣляетъ мнѣніе Бенфея, что сказка объ ушахъ Мидаса пошла противъ общаго теченія своихъ собратьевъ, именно съ запада на востокъ въ александрійскій періодъ греческой исторіи, и что, благодаря классическимъ вліяніямъ, она распространилась отъ Ирландіи до Тибета. Сравнивая въ частности украинскіе варианты со всѣми другими, г. Кузьмичевскій находитъ, что украинскіе варианты ближе къ варианту монгольскому, чѣмъ къ европейскому, не исключая сербскаго варианта, что даетъ поводъ думать, что сказка о людоедѣ Бунякѣ зашла въ Малороссію изъ Азіи. Въ послѣднее время издано довольно много новыхъ вариантовъ на тему сказанія объ ушахъ Мидаса у *Потанина* въ Путеш. въ сѣв.-зап. Монголію II 22, въ *затискахъ* Нео-філол. Общества 1892 стр. 22, въ *Сборникѣ* матер. для опис. Кавказа XIII 121, въ *Revue des traditions*

populaires 1892 г., въ „Архивъ“ г. Ягича и въ „Am Uq quell“ 1892 г. Въ вариантѣ, записанномъ у кавказскихъ татаръ (Сборн. XIII 121), у Александра Македонскаго на головѣ рога; цирюльникъ передалъ секретъ землѣ; тростникъ разболталъ и пр. Существованіе кавказскихъ вариантовъ сказки объ ушахъ Мидаса можетъ внести нѣкоторое дополненіе къ предположеніямъ г. Кузьмичевскаго, въ томъ смыслѣ, что Кавказъ—этотъ природный географическій мостъ—могъ быть мостомъ и въ литературномъ отношеніи, при переходѣ древнихъ греческихъ сказаній къ народамъ сѣверной Европы и сѣверо-западной Азіи.

Въ концѣ статьи г. К. находится въ видѣ отступленія небольшой экскурсъ о сказочномъ Костиѣ-Кощеѣ, бессмертномъ или бездушномъ, и о кощеяхъ Слова Ѳ Полву Игоревѣ и лѣтописей. Сказочного Кощея авторъ склоненъ сблизить съ Бунякомъ, вообще съ демоническими образами демоновъ и упырей и вывести ихъ отъ индійскихъ ракшасовъ (демоновъ) и ветаповъ (упырей). Кощеи лѣтописей и слова о П. И. ничего общаго не имѣютъ съ сказочными кощеями и, какъ предполагаетъ г. Каллашъ въ одной замѣткѣ въ Филол. Вѣстникѣ, представляютъ заимствованіе тюркскаго названія для раба, въ какомъ смыслѣ слово Кощей до сихъ поръ встрѣчается въ Средней Азіи.

Сказка о Кощеѣ бессмертномъ, или правильнѣе бездушномъ, построены на глубоко древнемъ анимизмѣ, что признаетъ и г. Кузьмичевскій въ примѣчаніи на 270 стр. X кн. Въ этомъ примѣчаніи указаны малорусскіе варианты сказочнаго мотива о помѣщеніи души въ яйцѣ (въ сборникахъ Чубинскаго, Драгоманова и Рудченка), старинный русскій (въ Памятн. Костомарова) и древне-египетскій (у Maspero). Къ этимъ указаніямъ добавимъ кавказскіе варианты въ *Сборникъ матер.* по опис. Кавказа XIII 109, 317, великорусскій у *Садовникова* 201, французскій и др. въ хорошо извѣстномъ г. Кузьмичевскому сборникѣ *Sovqin'* а подъ № 15, сицилійскій у *Gonzenbach* II 215, въ *Калимъ и Димнъ* (въ пер. Атаи) 154, съ зулусской сказкѣ (Басни и сказки дикихъ нар. 64, примѣч.). Вообще, Кощей бессмертный по этому главному мотиву (спрятанной душѣ) составляетъ особый чрезвычайно распространенный циклъ сказокъ,

сколько мнѣ извѣстно, не подвергавшихся спеціальному изученію. Къ сказкамъ о скриваніи души близко примыкають сказки о скриваніи (въ яйцѣ или ящичѣ) силы или смерти (напр. эстонская сказка въ *Этногр. Обзор.* 1890, II, 116).

И. Я. Франко.

Имя Ивана Яковлевича Франка въ Россіи почти неизвѣстно. Лишь недавно (въ 1894 г.) на страницахъ Русскаго Обозрѣнія мимоходомъ былъ высказанъ похвальный о немъ отзывъ. Въ Галиціи г. Франко играетъ видную роль, какъ выдающійся беллетристъ, публицистъ и этнографъ. Проф. Огоновскій въ III т. Исторіи литературы русской (отд. 2, стр. 915—1072) даетъ обширную біографію г. Франка, что можетъ представлять интересъ лишь въ рамкахъ галицко-русскихъ внутреннихъ отношеній. Ограничимся основными біографическими данными. При малой доступности галицкой литературы, мы заранѣе должны оговорить, что не можемъ ручаться за полноту бібліографическаго обзора этнографическихъ статей г. Франка. Отмѣчаемъ лишь то, что могли найти на страницахъ Зори, Кіевской Старины, Вислы, „Въ поти чола“ и въ *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*.

И. Я. Франко, сынъ галицкаго крестьянина кузнеца, родился въ слободѣ Дрогобицкаго повѣта въ 1856 г. Онъ учился сначала въ сельской народной школѣ русинскому, польскому и нѣмецкому языкамъ, затѣмъ въ нѣмецкой базилианской школѣ, въ гимназіи и во львовскомъ университетѣ. Судя по даннымъ біографіи г. Ф., галицкая школьная педагогія представляетъ жалкое явленіе. Въ базилианской школѣ учениковъ били, и эта школа недалеко ушла отъ бурсы Помяловскаго. Въ послѣдствіи г. Франко въ беллетристическихъ разсказахъ, вошедшихъ въ книгу „Въ поти чола“, обрисовалъ грубость учителей и нерациональность ихъ педагогическихъ приѣмовъ. Лекціи въ университетѣ, по словамъ самого г. Франка (приведены у г. Огоновскаго), „завсѣмъ его не заняли и не дали ему ничогисинько, ани ме-

тоды, ани здобуткивъ“. Университетъ здѣсь не совѣмъ виновать. Г. Франко рано увлекся общественной дѣятельностью народническаго направленія, что привело его въ столкновениямъ съ австрійскими властями. Въ повѣстяхъ г. Франка „На дни“, и „До свѣтла“, напоминающихъ „Записки изъ Мертваго дома“ Достоевскаго, разсѣяно много автобіографическихкихъ подробностей.

Извѣстность въ Галиціи г. Ф. приобрѣлъ несомнѣннымъ беллетристическимъ талантомъ, значительной начитанностью и основательнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями общественной и народной жизни. Г. Ф. многое читалъ и многое наблюдалъ лично. Постоянное и разнообразное участіе въ русской и польской галицкой печати содѣйствовало выработкѣ наблюдательности, литературной опытности и бойкаго стиля. Г. Ф. писалъ въ „Зорѣ“, въ „Дѣлѣ“, въ разныхъ польскихъ газетахъ, въ журналѣ „Wisła“, въ „Кіев. Старинѣ“, издавалъ въ 1881 г. газету „Свѣтъ“ (въ сотрудничествѣ съ Белеемъ), въ 1890 г. „Народъ“, съ 1894 г. издаетъ журналъ „Житіе и Слово“, гдѣ отведено значительное мѣсто для этнографіи.

Мы не будемъ здѣсь касаться стихотвореній и повѣстей г. Ф. (последнихъ проф. Огоновскій насчиталъ 41). Кое-какія этнографическія наблюденія автора здѣсь трудно выдѣлить отъ автобіографическихкихъ подробностей и литературныхъ прикрасъ. Къ тому же я вообще не придаю серьезнаго научнаго значенія этнографической беллетристикѣ въ смыслѣ руководства ею при народоизученіи. Значеніе такой беллетристики, значеніе весьма важное и плодотворное, состоитъ въ сближеніи разныхъ общественныхъ слоевъ, въ возбужденіи и поддержаніи интереса къ народной массѣ, къ ея жизненнымъ нуждамъ и потребностямъ. Беллетристъ и драматургъ показываютъ (и это его нравственная обязанность) этнографическіе факты въ рельефѣ, съ выборомъ, непременно въ связи ихъ съ живой личностью и въ цѣлой бытовой обстановкѣ, при чемъ личныя субъективныя обобщенія и объясненія оказываются неизбѣжными, по личной заинтересованности автора, по свойству всякаго личнаго литературнаго творчества. Потому, всѣ народописательныя повѣсти Дала, Гл. Успенскаго, Мирнаго, Франка и др. относятся къ ис-

торіи літератури, а не къ історіи етнографіи. Настоящимъ нашимъ замѣчаніямъ не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что недавно нами же напечатана статья о Г. О. Квиткѣ, какъ этнографѣ. Кто прочелъ эту статью, могъ видѣть, что здѣсь мы старались отдѣлать дѣйствительныя наблюденія отъ субъективнаго ихъ освѣщенія и подчерски, что относительно Квитки не трудно было сдѣлать, при запасѣ чистыхъ и провѣренныхъ этнографическихъ данныхъ.

Изъ статей историко-литературныхъ значительный интересъ представляютъ статья объ Іоаннѣ Вышенскомъ въ „Кіевской Старинѣ“ и статья о Перебедѣ Шевченка въ 1 кн. Литературно-научной бібліотеки 1890 г. Кроме того, небольшія историко-литературныя и этнографическія замѣтки г. Франка были помѣщены въ „Кіевской Стар.“ 1888 кн. XI (воляцкая пѣсня), 1889 кн. I (колядки), 1890 т. XXIX, 1891 кн. XII (колядки).

Къ этнографіи г. Франко обнаружилъ наклонность съ молодыхъ лѣтъ. Еще будучи гимназистомъ въ концѣ 60 и въ началѣ 70-хъ годовъ онъ собралъ этнографическіе матеріалы. По выходѣ изъ гимназіи г. Ф. обошелъ родной край, что дало ему прочныя личныя свѣдѣнія и личныя симпатіи къ народному быту. Съ 1878 г. Франко въ польскихъ газетахъ, преимущественно во „Львовскомъ Курьерѣ“, писалъ повѣсти этнографическаго характера о разныхъ сторонахъ экономическаго и юридическаго быта крестьянскаго населенія. Нѣкоторыя повѣсти этого рода переведены на русскій языкъ въ „Кіев. Стар.“ 1889 XXV 400—437 и 1890 XXIX 307, 320, 427. Изъ непереведенныхъ отмѣтимъ двѣ слѣдующихъ: „*Iak Rusin tluksl sie po tamtym swiecie*“ „*Iak powstaja piešne ludowe*“ (обѣ напеч. во львовской газетѣ Ruch 1887) и „*Gmina i zadruga wśród rusińskiego ludu w Galicyi i na Bukowinie*“ (въ варш. Głos 1887 № 19). Въ „Дѣлѣ“ 1889 г. №№ 278—287 напечатана небольшая статья о малорусскихъ колядкахъ. Въ „Зорѣ“ 1883 напечатана большая статья „*Жиноча неволя въ народныхъ пѣсняхъ*“, въ „Зорѣ“ 1884 г. статья объ остаткахъ первобытнаго міросозерцанія въ народныхъ загадкахъ.

Въ изданіи краковской академіи наукъ „*Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej*“ 1886 г. X стр. 3—55 г. Франко и г-жа Рохкевичъ помѣстили сборникъ обрядовъ и пѣсенъ изъ м. Долына Стрыйскаго повѣта въ Галиціи. Это маленькій поселокъ карпатскихъ горцевъ бойковъ. Населеніе живетъ бѣдно по пословицѣ: „Долынь голый, докола листь, а въ средьни едень бисъ“. Избы курныя. Хлѣбъ овсяный. Въ сборникѣ помѣщено описаніе мѣстной свадьбы, съ 181 пѣсню на извѣстные мотивы (прощаніе невѣсты съ матерью, расплетаніе косы и пр.). Мѣстами указаны варианты свадебныхъ пѣсенъ въ сборникахъ Чубинскаго, Навроцкаго и Головацкаго. Вообще, матеріалъ неважный, при обиліи сходныхъ матеріаловъ.

Во 2 кн. „Вислы“ 1892 г. на с. 263—278 напечатана интересная статья г. Франка „*Война жидовская*. Изъ области сравнительныхъ изученій народной словесности“. Въ Дрогобицкомъ уѣздѣ (въ Галиціи) г. Франко слышалъ поговорку: „Э, чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ“ и, какъ комментарий этой поговорки, рассказъ о томъ, какъ однажды жида воевали, и когда войско ихъ подошло къ гречкѣ во время ея цвѣтенія, то приняло ее за море. Парубокъ малороссъ сказалъ имъ, что это гречка, и тогда жидовскій полководецъ скомандовалъ „чи гречка, чи не гречка, мое войско маршъ“, и жида перешли вбродъ по гречаному морю. Г. Франко указываетъ, какъ на ближайшій возможный источникъ галицко-русскаго рассказа, на польскую народную книжку о жидовской войнѣ, въ родѣ книжекъ о Магелонѣ, о семи мудрецахъ и др., и на возможный источникъ этой книги—сатирическую поэму *Żydoswagos* 1792 г., гдѣ въ шутливой формѣ осмѣяны вооруженіе жидовскаго войска, его продовольствіе, медленное движеніе (везли перыны), какъ войско разбѣжалось при видѣ барановъ, какъ гречку приняли за рѣку и пр. т. п. Юдофилы отнеслись къ этой поэмѣ съ большими порицаніями. Г. Франко находитъ, что поэма эта, довольно невинная по тону, безъ яркой національной вражды, интересна въ историко-литературномъ отношеніи. Мотивы поэмы—бѣгство отъ барана, принятіе гречки за рѣку и др.—очень стары, старѣе самой поэмы. Такого же рода

разказы издавна циркулируютъ въ Германіи въ приложеніи къ швабамъ, шильдбургерамъ и др. мѣстнымъ жителямъ, осмѣиваемымъ за глупость. Г. Франко указываетъ на старую народную книгу о вѣмецкихъ пошехонцахъ шильдбургерахъ „Wunderseltzame Abendtheurliche...“ 1598 г., а отдѣльные ея эпизоды въ популярныхъ „Фацеціяхъ“, изданныхъ еще въ 1501 г., и въ сатирической повѣсти Кирхгофа о семи швабахъ „Wendunmuth“ (1565). Самымъ древнимъ вариантомъ представляется разказъ Павла Дьякона, что на войско геруловъ, разбитое лонгобардами, напалъ такой страхъ, что герулы цѣвущій на полѣ лень приняли за рѣку. Этими сближеніями собственно и оканчивается статья г. Франка. Заключительная (на послѣдней страницѣ) замѣтка о томъ, какъ египтяне въ погонѣ за евреями бросились въ Красное море, на мой взглядъ, къ дѣлу не идетъ, и сближеніе библейскаго разказа съ вышеприведенными представляется лишнимъ. Эта прибавка вредитъ статьѣ, во всемъ остальномъ полезной и цѣнной, по обилію и разносторонности фактическаго матеріала и по широкому примѣненію сравнительнаго метода. Изъ такихъ этюдовъ объ отдѣльныхъ пословицахъ и сказаніяхъ, какъ этюдъ г. Франка „Война жиловская“, при накопленіи ихъ трудами многихъ изслѣдователей, можетъ составиться богатая литература по фольклору, которая внесетъ много свѣта въ исторію культуры. Въ „Висль“ 1893, I, стр. 82—87 г. Франко пополняетъ статью свою индійскими вариантами, взятыми изъ „Zur Volkskunde“ Либрехта.

Статья г. Франка о жидовской войнѣ представляется попыткой подойти къ довольно обширному циклу сказаній о глупыхъ народахъ. Прыганье въ гречаное море одинъ изъ мотивовъ этого сложнаго сказанія. Другіе еще болѣе популярные мотивы: постройка церкви безъ оконъ, сохраненіе солнечнаго свѣта въ бочкѣ или мѣшкѣ, встаскиваніе коровы на церковную колокольню, чтобы она попаслась, проносъ дерева во дворъ не вдоль, а поперекъ. Подобнаго рода разказы у древнихъ грековъ приурочивались къ абдеритамъ, у вѣмцевъ къ швабамъ, шильдбургерамъ, вендамъ, у великоросовъ къ пошехонцамъ, у малорусовъ къ жидамъ и литвинамъ, въ древней Руси къ печенѣгамъ

(судя по лѣтописнымъ намекамъ), въ Болгаріи къ стеблевцамъ, большею частью безъ наименованія, въ приложеніи вообще къ глупымъ людямъ. Въ настоящее время собрано уже множество историческихъ преданій и сказокъ на тему о глупыхъ народахъ.

Въ 1 кн. „Wisła“ 1894 г. г. Франко напечаталъ статью „Славянскія преданія о Магометъ“, интересную въ историко-литературномъ отношеніи (см. „Кіев. Стар.“ 1894, XI, 330).

Г. Огоновскій, признавая г. Ф. „однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ писателей русско-украинскихъ“, высказываетъ сожалѣніе, что онъ сильно разбрасывается и ослабляетъ свою творческую силу. Въ оправданіе г. Ф. при этомъ замѣчено, что „до раздроблюваня тои творчости причинае ся чимало журби о хлѣбъ, котрого Франко добивае ся въ потѣ чола“.

Ө. К. Волковъ.

Этнографическія статьи г. Волкова разсѣяны по малоизвѣстнымъ русскимъ и заграничнымъ (французскимъ и болгарскимъ) изданіямъ. Перечисляя ихъ ниже въ хронологическомъ порядкѣ, мы не можемъ поручиться за полноту нашего перечня.

Въ *Трудахъ* 3 археол. съѣзда (въ Кіевѣ) во 2 т. стр. 317—326 напечатана небольшая ст. г. Волкова „Отличительныя черты южнорусской народной орнаментики“. Предметъ изслѣдованія весьма интересный; но матеріала собрано мало, и все изслѣдованіе отличается большой краткостью. Авторъ въ началѣ статьи вполнѣ осповательно указываетъ на полную неразработанность южнорусской орнаментики. Затѣмъ авторъ говоритъ вкратцѣ о малорусскихъ рѣзныхъ украшеніяхъ на хатахъ, деревянныхъ и гончарныхъ издѣліяхъ, о писанкахъ—обо всемъ этомъ въ двухъ-трехъ словахъ. Подробнѣе (на 8 страницахъ) говорится объ узорахъ и вышивкахъ на одеждѣ, съ подраздѣленіемъ орнаментовъ на геометрической, растительный и животный. Здѣсь высказано нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о малорусскомъ народномъ искусствѣ, какъ оно выразилось въ вышивкахъ, о мѣстныхъ его особенностяхъ. Авторъ дѣлаетъ такіе общіе выводы о характерныхъ особенностяхъ малорусской орна-

ментики: наклонность къ растительному орнаменту, преобладаніе цвѣтовъ краснаго и синяго и только на югѣ желтаго, отсутствіе изображеній цѣлыхъ деревьевъ, птицъ, животныхъ, архитектурныхъ украшеній. При скудости матеріала, которымъ располагалъ авторъ, всѣ выводы, общіе и частные, весьма непрочны, и легко могутъ оказаться несостоятельными, при большемъ кругѣ сравненій. Такъ, нельзя сказать, что въ малорусскомъ орнаментѣ обнаруживается полное отсутствіе изображеній цѣлыхъ деревьевъ, птицъ, животныхъ и архитектурныхъ украшеній. Птицы и животныя въ цѣлой формѣ неудобны для орнаментики, и потому встрѣчаются рѣдко въ цѣломъ видѣ, но все таки встрѣчаются (чаще всего на писанкахъ); но въ частичномъ изображеніи животный орнаментъ весьма популяренъ въ Малороссіи. Что касается до архитектурныхъ изображеній, то они имѣются съ геометрическими фигурами. Вопросъ о предпочтеніи цвѣта также нуждается въ фактической разработкѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что желтый цвѣтъ весьма часто встрѣчается и въ восточной малорусской орнаментикѣ. Въ концѣ статьи авторъ намѣчаетъ нѣсколько любопытныхъ вопросовъ о самобытномъ происхожденіи однихъ малорусскихъ орнаментовъ (преимущественно растительныхъ, напр.—гвоздики у персовъ, крестовъ у визанційцевъ). Уже въ этой статьѣ обнаруживается умѣнье автора выбирать весьма интересныя и жизненныя темы для изслѣдованія, что сказывается затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ его этнографическихъ статьяхъ.

Въ „Melusine“ 1891 г. № 8 г. Волковъ напечаталъ статью о побратимствѣ въ Украинѣ „*La fraternisation en Ukraine*“. Въ большомъ числѣ замѣтокъ о побратимствѣ у разныхъ народовъ, напечатанныхъ въ „Мелюзинѣ“ за послѣднія 5 или 6 лѣтъ статья г. Волкова выдается по полнотѣ. Если принять во вниманіе, что и въ специальныхъ монографіяхъ по исторіи права Мэна, М. Ковалевскаго и др. о побратимствѣ разсѣяны лишь краткія замѣтки, нужно признать за трудомъ г. В. научное значеніе. Нельзя сказать, чтобы авторъ разобралъ побратимство съ разныхъ сторонъ, освѣтилъ и объяснилъ его широкими сравнительно-этнографическими параллелями и аналогіями, въ статьѣ

нѣтъ указаній на связь побратимства съ другими близкими въ нему явленіями народнаго быта, напримѣръ—съ братствами, въ видѣ перехода побратимствъ двухъ лицъ въ многолюдныя братства. Но и въ данномъ видѣ статья г. В. представляетъ полезное пособіе для будущихъ изслѣдователей побратимства вообще, въ частности русскаго. Въ статьѣ о побратимствѣ въ Украинѣ г. В. приводитъ два свидѣтельства о немъ, г-жи Ганенко о побратимствѣ въ елисаветградскомъ у. и свящ. Сорочкина о побратимствѣ въ александрійскомъ у., затѣмъ указываетъ на побратимство у скифовъ, по свидѣтельству Геродота и по рисунку на одной скифской вазѣ, о побратимствѣ въ былинахъ, украинскіихъ сказкахъ и пословицахъ, объ указаніи на этотъ обычай въ старинныхъ требникахъ, о побратимствѣ у сербовъ; въ концѣ статьи приведено мнѣніе М. Ковалевскаго о происхожденіи обычая ¹⁾.

Въ *Revue des traditions populaires* напечатанъ рядъ легкихъ замѣтокъ разныхъ авторовъ о суевѣріяхъ, связанныхъ съ дорогами и мостами. Въ XI № 1891 г. Волковъ помѣстилъ двѣ замѣтки о суевѣріяхъ украинскіихъ и болгарскіихъ. Въ замѣткѣ „*Voyages et Voyageurs en Ukraine*“ 1891 г. (647 стр.) упомина-

¹⁾ Къ той литературѣ побратимства, которая попала въ *Melusine*, добавимъ здѣсь указанія на малор. сказки *Мамжуръ* стр. 15, *Этногр. Обзор.* 1890 II 152, 154, 1891 II 24, Осетин. этюды *В. Миллера* I 3, обильные и цѣнные сербскіе матеріалы у *Милчевича*, Бѣлор. сборн. *Романова* III 101, замѣткѣ *А. Веселовскаго* въ *Ж. М. Н.* Пр. 1894 II, *Звонова* въ *Трудахъ этн. отд. моск. общ.* Любит. ест. 1889 стр. 46—48 (посестріе), *Караджича* въ *Принозеткахъ* 219; *Живал Стар.* во 2 кн. (ст. Ровнискаго), *Потанинъ* „*Очерки С. З. Монголіи* IV 39 (цѣлованіе топора и медвѣдя при побратимствѣ) и на 898 стр. (о Дарсунъ Ханѣ—побратимство въ родѣ упоминаемаго первоначальной лѣтописью), *Костомаровъ*, *Предмѣія первонач. лѣтописи* 123, *Сборникъ матер. для изученія Кавказа* IX 40, *Наѣн* (греч. и албанск. сказки) №№ 18 и 64 (побратимство между героями и дракономъ), *Revue d trad.* рор. 91 X (побратимство посредствомъ крови), *Живал Стар.* 1892 III (болгар. сказка), *Русскій Вѣстникъ* 1888 XII 24 замѣтка о побратимствѣ среди китайскіихъ разбойниковъ манзовъ, очень любопытная для исторіи перехода частнаго побратимства въ широкую родственную связь многихъ лицъ), *Свер. Вѣстникъ* 1889 I (статья проф. Лучицкаго), *Харузинъ*, *Русскіе лопари* 258, *Микушевъ*, *Задумайскіе славяне* 25, 143, 288. Кое-какія указанія см. въ библиографіи обычнаго права *Якушкина*, въ соч. *Мена* о древнемъ правѣ, въ соч. *Харузини* о донскіихъ козакахъ.

нута слѣдующіе несчастныя признаки отправленія въ дорогу въ понедѣльникъ, спотыканіе или остановка лошадей, встрѣча съ зайцемъ, съ женщиной, несущей пустыя ведра, съ священникомъ—все извѣстныя примѣты. Кромѣ того, упомянуто, что лица, отправляющіяся въ далекій путь, берутъ горсть земли съ кладбища или изъ подъ фигуры (креста) и несутъ ее на шеѣ въ ладонѣхъ. Этотъ малорусскій матеріалъ изданъ въ дополненіе къ повѣрьямъ другихъ народовъ относительно путешествій, повѣрьямъ, собираемымъ по мелочамъ на страницахъ *Revue d. trad. pop.*

Наиболѣе крупное изслѣдованіе г. Волкова „*Rites et usages nuptiaux en Ukraine*“ напечатано въ *L' Anthologie* 1892 (были оттиски). Это довольно объемистый трудъ (ок. 150 стр.). Авторъ ставитъ спеціальной цѣлью ознакомленіе западныхъ ученыхъ съ малорусскими свадебными обрядами. Описательный элементъ преобладаетъ. Послѣ краткаго введенія авторъ приступаетъ къ подробному описанію малорусской свадьбы въ томъ порядкѣ, какъ она совершается въ дѣйствительности. Въ первой главѣ говорится о свидѣльствѣ древней лѣтописи о бракосочетаніи у русскихъ славянъ, объ умыканіи дѣвицъ, покункѣ; объ устойчивости народнаго обычая. Во второй главѣ—о социальной организаціи украинской молодежи (братства, досвѣтки) и остаткахъ пробнаго брака. Въ третьей—о дѣвичникѣ, благословеніи молодыхъ хлѣбомъ, посадѣ, танцахъ, перевязываніи платками. Въ четвертой—о гильцѣ, вѣнкахъ, созывѣ гостей. Въ пятой—о короваѣ (приготовленіе, украшенія, танцы). Въ шестой—о благословеніи молодыхъ и отъѣздѣ ихъ въ церковь, о суевѣрїяхъ, связанныхъ съ вѣнчаніемъ, встрѣчѣ молодыхъ въ домѣ родителей неvěсты. Въ седьмой—о весильѣ, переймѣ, продажѣ сестры братомъ, посадѣ, обрядовомъ поцѣлуѣ. Въ восьмомъ—о раздѣленіи подарковъ, платѣ роду неvěсты, раздѣленіи короваѣ, отъѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха. Въ девятой—о встрѣчѣ молодыхъ въ домѣ жениха, брачныхъ пѣсняхъ, опредѣленіи невинности и увѣдомленіи о томъ матери молодой. Въ десятой—объ обрядахъ на другой день свадьбы, свадебномъ знамени, покрываніи головы молодой. Въ одиннадцатой—объ обрядовомъ употребленіи меда,

перезвѣ, перезывкахъ, свадебныхъ оргіяхъ. Въ двѣнадцатой—находится общій обзоръ свадебнаго ритуала къ краткими научными комментаріями. Здѣсь говорится о религіозной и юридической сторонахъ свадьбы, времени заключенія браковъ, чертахъ гетеризма и матеріархата.

Авторъ пользовался печатными матеріалами (сборниками Чубинскаго, Янчука и др.) и рукописными (записи Е. П. Радаковой, Грыха).

Авторъ при изученіи малорусской свадьбы слѣдуетъ сравнительному методу; но при этомъ почти все сравненія и объясненія относитъ въ подстрочныя примѣчанія, въ мелкій шрифтъ, отчего ступшевывается лучшая часть изслѣдованія.

Лучшая по полнотѣ содержанія и отчасти по новизнѣ фактовъ глава—XI. Здѣсь авторъ подробно говоритъ о вакхической сторонѣ свадебнаго ритуала, выразившейся преимущественно въ перезвѣ, что въ русскихъ научныхъ трудахъ большею частью обходится молчаніемъ, иногда по недостатку матеріала, иногда по другимъ независящимъ отъ авторовъ обстоятельствамъ. Единственной спеціальной замѣтка Кистяковскаго объ обрядахъ и пѣсняхъ перезвы, замѣтка небольшая, но цѣнная, затеряна въ спеціальному изданіи и немногимъ извѣстна. Авторъ объясняетъ перезву, какъ остатокъ древнѣйшей оргіи или свальнаго грѣха, что подтверждается разными глухими намеками въ древнихъ памятникахъ русской литературы и обычаями современныхъ дикихъ народовъ. Напр., у нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ молодые уходятъ вмѣстѣ съ гостями, парнями и дѣвцами, въ темную хижину и здѣсь происходитъ оргія.

Изъ частныхъ замѣчаній автора отмѣтимъ здѣсь библиографическій обзоръ сочиненій, гдѣ говорится о пробномъ бракѣ или точнѣе, по нѣмецкой терминологіи, *Probewächten* (гл. II стр. 179 примѣч.); объ обрядовомъ употребленіи вѣнка (гл. III стр. 413), объ одариваніи священника или помѣщика (гл. IV 414), о нѣкоторыхъ обычаяхъ относительно разбиванія чаши, осыпанія зерномъ (VI 433), о переймѣ (VII 543), обменѣ кольцами (VII 548), о брачномъ поцѣлуѣ (VII 551), объ обрядовомъ связываніи молодыхъ (VII 553), обрядовомъ употребленіи цѣтуха (VIII 560,

IX 568, X 543), о фаллическомъ значеніи пѣсенъ про быка и теличку (IX 573, XI 558, XII 569), объ освященіи брачнаго ложа (IX 574), объ осмотрѣ одежды невѣсты, преимущественно сорочки, чтобы не было иглы — „прогорга“, для искусственнаго кровоизліянія (IX 575), о сниманіи сапога (IX 576—577), о половомъ воздержаніи жениха (IX 579), о мѣропріятіяхъ противъ случайной немочи жениха (IX 580—581), объ обычаѣ „смольтъ молоду“, т. е. сжигать пучокъ волосъ (IX 585), о значеніи краснаго цвѣта (X 545), о танцахъ на перевѣ (XI 557), о времени заключенія браковъ (XII 572—573); о продажѣ невѣсты на базарахъ (XII 574—576), о значеніи старосты и дружбы (XII 583—588). Настоящій краткій предметный указатель составленъ нами потому, что въ самой книгѣ нѣтъ никакого указателя и даже нѣтъ оглавленія, что затрудняетъ пользованіе книгой. Современная этнографическая наука входитъ въ мелочи, и составленіе подробныхъ предметныхъ указателей, въ родѣ такихъ, какіе прилагаются къ XII кн. *Revue de traditions populaires*, весьма желательно.

Въ настоящее время существуетъ уже много изслѣдованій о свадебныхъ обрядахъ, затрогивающихъ отчасти и свадебныя пѣсни. Кромѣ изслѣдованія г. В., крупными трудами нужно признать еще напечатанныя въ *Этногр. Обзор.* статьи г. Довнаръ-Запольскаго и г. Охримовича. При всемъ томъ, остается еще много пробѣловъ. Менѣе всего изучены свадебныя пѣсни, должно быть потому, что изученіе ихъ, при подавляющей массѣ сыраго матеріала, сопряжено съ большой затратой труда и времени. Затѣмъ, остается не мало обрядовъ, обычаевъ, цѣлыхъ свадебныхъ дѣйствій, темныхъ и загадочныхъ. Изъ данныхъ методовъ изслѣдованія свадьбы мнѣ представляется наиболѣе удобнымъ и наиболѣе плодотворнымъ методъ, принятый г. Довнаръ-Запольскимъ и г. Волковымъ—изученіе свадьбы въ послѣдовательности главныхъ ея актовъ, сравнительно, какъ они проявляются у разныхъ народовъ, съ попутнымъ сводомъ наличныхъ въ печати мнѣній объ ихъ происхожденіи и значеніи. Методъ г. Охримовича состоитъ въ введеніи малорусскаго этнографическаго матеріала въ рамки научныхъ теорій выдающихся западныхъ ученыхъ—

(Баховена, Тэйлора и др.) по исторіи развитія семьи, напр., въ рамки гетеризма, матриархата. Попутно при этомъ освѣщается и малорусскій этнографическій матеріалъ, но рядомъ идутъ преувеличенія, увлеченія и натяжки. Исслѣдованія прежняго времени и прежде всего мое 1881 г., на которое я встрѣчаю часто ссылки, также не свободны отъ преувеличеній и ошибочныхъ толкованій въ другую сторону—въ область миеологіи. Несомнѣнно, что съ миеологіей всегда придется считаться изслѣдователямъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, что солнечнаго культа обойти нельзя; но многое изъ того, что въ старое время объяснялось этимъ культомъ, теперь, при накопленіи новыхъ матеріаловъ, среди которыхъ встрѣчаются весьма цѣнные (напр., изданное недавно *Винтерницемъ* въ Памят. Вѣнск. Акад. Наукъ описаніе древнихъ индійской свадьбы), требуетъ пересмотра, можетъ быть, дополненія, а, можетъ быть и устраненія, при возможности другихъ болѣе, реальныхъ историко-культурныхъ и бытовыхъ объясненій.

Обращаясь къ малорусской свадьбѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что матеріала накоплено очень много; тѣмъ изслѣдователямъ, которые не имѣютъ подъ руками большихъ книгохранилищъ или не владѣютъ иностранными языками, можно рекомендовать цѣлый рядъ полезныхъ работъ, не выходя изъ малорусскаго фольклора. Полезно было бы, напр., сличить извѣстныя уже въ печати описанія малорусской свадьбы и опредѣлить мѣстные оттѣнки. До сихъ поръ по этой части ничего не сдѣлано. *А. А. Русовъ* въ предисловіи къ сборнику пѣсенъ *С. А. Чернявской* (V т. Сборн. харьк. ист. фил. общ. 113), говоритъ, что „сравненіе словъ опредѣленныхъ куплетовъ указываетъ на происхожденіе бѣлозерской свадьбы (т. е. с. Бѣлозерки херсонск. у.) изъ разныхъ элементовъ юго-западнаго и юго-восточнаго типовъ этого ритуала“. Но кто опредѣлилъ эти типы? гдѣ объ нихъ трактовалось? ничего подобнаго я не встрѣчалъ. *Г. Волковъ* въ IX гл. стр. 581 говоритъ, что въ восточной Малороссіи молодые проводятъ столько времени въ коморѣ, сколько необходимо для половаго сочетанія, а въ правобережной Малороссіи они проводятъ въ коморѣ всю брачную ночь. И это утвержденіе основано

на случайномъ наблюдѣніи. Кромѣ того, слѣдовало бы составить библиографическій указатель статей о малорусской свадьбѣ, сгруппировать мотивы пѣсенъ, составить обстоятельный словарь малорусской свадебной терминологіи, въ замѣтъ или, по крайней мѣрѣ для дополненія моего краткаго словаря въ „Культурныхъ переживаніяхъ.“

Въ болгарскомъ „Сборникѣ за народни умотворенія“ г. Волковъ напечаталъ часть своего изслѣдованія о свадебныхъ обрядахъ, преимущественно малорусскихъ.

Въ *Revue d. trad. populaires* и въ послѣднее время въ *Этнограф. Обзорѣніи* (см. кн. XIX) стали появляться содержательныя библиографическія рецензіи г. В. на этнографическія русскія и западно-европейскія изслѣдованія. Изъ этихъ замѣтокъ видно, что г. Волковъ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ современнаго фольклора какъ въ русской, такъ и въ западной научной литературѣ.

Ө. Кондратовичъ.

За подписью г. Ө. Кондратовича въ *Кіев. Старинѣ* 1883 г. кн. 1, 2 и 4 напечатана обширная статья „*Задунайская Спѣчь* по мѣстнымъ воспоминаніямъ и рассказамъ.“ Авторъ пользовался преимущественно сообщеніями древняго старика Коломійца, который для г. К. оказался столь же обильнымъ источникомъ историческихъ воспоминаній, какимъ для г. Эварницкаго былъ другой обломокъ Запорожья—дѣлъ Россолода. Какъ во всякомъ устномъ преданіи, записанномъ со словъ, въ рассказахъ Коломійца оказывается болѣе этнографическихъ элементовъ, чѣмъ собственно историческихъ, и многіе его рассказы, имѣющіе по внѣшности видъ историческаго преданія, въ дѣйствительности оказываются литературными произведеніями, иногда свойственными многимъ народамъ эпическими мотивами. Это замѣчаніе не устраняетъ важнаго историческаго значенія статьи г. Кондратовича.. Историческія преданія и въ особенности сообщаемыя г. Кондратовичемъ съ народныхъ устъ историческія пѣсни, довольно многочисленныя, придають двойное значеніе статьѣ, какъ цѣн-

СОВРЕМ. МАЛОРУС. ЭТНОГ.

ному пособию для исторіи и этнографіи въ ихъ взаимной живой связи. Вообще, этотъ трудъ г. К. обнаруживаетъ въ авторѣ большую наблюдательность и умѣнье разобратъся въ этнографическомъ сырѣ, и нельзя не пожалѣть, что прекрасная статья г. К. была мало замѣчена въ научной литературѣ.

Въ статьѣ подробно говорится о внутреннихъ порядкахъ Задунайской Сѣчи, напоминавшихъ запорожскіе порядки, и о жестокой борьбѣ задунайскихъ сѣчевиковъ съ сосѣдями ихъ не-красавцами. Въ разказахъ Коломійца попадаетъ любопытное указаніе на пребываніе запорожцевъ въ Банатѣ и нѣсколько любопытныхъ повѣрій—о погѣ волшебникѣ. Со словъ разныхъ лицъ записаны слѣдующія историческія пѣсни о запорожцахъ: 1) Позволь батьку атамане, 2) У славній Сичи, у Чути, 3) Ой тысяча симсотъ да девьяносто лѣтъ и перваго года, 4) Ой чого, чого запорожци, 5) Ой, Боже жъ нашъ милостывый, 6) Ой по-війте, витры, та все низовыи, 7) Ой, москалю, ой москалю, 8) Ой крикнула лебедочка изъ степу леттечи, 9) Ой наробыли та славни запорожци, 10) Закричала ластивонька, 11) Ой летила бомба, 12) Ходывъ, блудывъ молодой козаць (великорусская, донская), 13) Ой у поли крыныченька, 14) Ой да Дунай ричка та широка, 15) Булы у насъ хлопцы (изъ сказокъ о глупыхъ людяхъ), 16) Ой у поли шелемъ-белеть (отрывокъ). Лучшія пѣсни записаны со словъ Коломійца. Вообще, пѣсни эти могутъ пригодиться для будущаго изданія сборника малорусскихъ историческихъ пѣсенъ XVIII в., при многихъ другихъ пѣсняхъ этого времени, разбросанныхъ въ разныхъ малозвѣстныхъ и малодоступныхъ изданіяхъ.

Малоруссы въ современной польской этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Руликовскій.—Кольбергъ.—Поповскій.—Выковский.—Подберезскій.—Бричичскій.—Зѣмба.—Густавичъ.—Грегоровичъ.—Колесса (Яць).—Цисекъ.—Коперницкій.—Талько-Гринцевичъ.—Мошинская.—Рокоссовская.—Томашевская.—Шаблевская.—Малиновская.—Стадницкая.—Ванке.—Рашковичъ.—Нейманъ и Z. D.

Въ польской этнографической литературѣ малоруссы всегда занимали значительное мѣсто, по близкому сосѣдству двухъ род-

ственныхъ славянскихъ племенъ. Въ старое время въ малорусской этнографіи неслѣднее мѣсто занимали труды Доленги-Ходаковского, Залѣскаго (Вацлава изъ Олѣска), Жеготы Паули, Войцицкаго, Голембiовскаго, Новосельскаго-Марцинковскаго, Турцевича. Къ новымъ польскимъ этнографамъ, посвящавшимъ свои труды малорусскому племени, можно отнести Руликовскаго, Кольберга, Мошинскую и мн. др., статьи которыхъ были помѣщены большею частью въ краковскомъ изданіи *Zbiąg Wiadomoŝci*, когда Коперницкій былъ редакторомъ этого изданія. Украинско-польская этнографія характеризуется двумя чертами: 1) подавляющее большинство статей состоитъ изъ сырыхъ, этнографическихкихъ матеріаловъ, если не считать небольшихъ газетныхъ и журнальныхъ статей, напр. статей г. Неймана о думкахъ и о пѣсенныхъ размѣрахъ, нѣтъ совсѣмъ изслѣдованій. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и по польскому фольклору изслѣдованій очень мало: сырой матеріалъ и здѣсь сказывается подавляющимъ. Новая польская этнографія вообще, а малорусскій ея отдѣлъ въ особенности, отличается обиліемъ женскаго труда; чуть ли не большинство сборничковъ пѣсенъ составлено женщинами.

Въ виду того, что польскіе сборники даютъ лишь этнографическіе матеріалы, мы на предстоящихъ страницахъ ограничимся обзоромъ ихъ содержанія. Сборники эти въ Россіи почти неизвѣстны, и библиографическій очеркъ, можетъ быть, наведетъ изслѣдователя на новые нелишенные научнаго интереса, матеріалы, по нѣкоторымъ отдѣламъ фольклора, матеріалы довольно богатые и свѣжіе.

Къ слову сказать, въ украинско-польскихъ сборникахъ очень немного—одинъ языкъ, или даже одна латиница, т. е. въ дѣйствительности это чисто малорусскіе сборники пѣсенъ и сказокъ, записанныхъ латиницею съ большою научной добросовѣстностью и съ соблюденіемъ мѣстныхъ фонетическихкихъ особенностей.

Руликовскій (Эдуардъ) родился въ 1809 г., былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, солидный знатокъ малорусскихъ древностей и исторіи, скончался на 79 году жизни въ

1888 г. въ с. Геленовѣ васильковскаго уѣзда кievской губ. Въ теченіе своей жизни онъ усердно занимался наукою; труды свои онъ посвятилъ исключительно разработкѣ археологіи, статистики и этнографіи правобережной Малороссіи. Въ географическомъ словарѣ Сулимирскаго и Валевскаго онъ помѣстилъ рядъ историко-статистическихъ *описаній городовъ и мѣстечекъ* кievской губ. Въ 1853 г. Руликовскій издалъ *описаніе васильковскаго уѣзда* кievской губ., довольно объемистую книжку, въ 243 стр. Изъ 22 главъ 5 посвящены этнографіи, главнымъ образомъ глава 18, гдѣ говорится о характерѣ, обычаяхъ, преданіяхъ, повѣрьяхъ и одеждѣ крестьянъ, и глава 19, гдѣ приведена 51 малорусская пѣсня, въ томъ числѣ нѣсколько цѣнныхъ историческихъ пѣсень прошлаго вѣка.

Въ III-мъ *Zbiór wiadomości* (1879) напечатаны („*Zapiski etnograficzne z Ukrainy*“ (62—166), сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ Руликовскимъ большею частью лично отъ крестьянъ кievской губ.

Въ началѣ сборника (62—89) помѣщены *преданія* (59 №№) большею частью историческія, и отчасти апокрифическія, на примѣръ, о нечестивыхъ великанахъ, потопленныхъ Богомъ. Интересны преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ. Жена царя Перепета съ войскомъ пошла отыскивать мужа, встрѣтила его войско, не узнала его, убила мужа, и съ горя лишила себя жизни. Надъ ними насыпаны курганы. Варіантъ преданія о Перепетѣ и Перепетихѣ изданъ *Чубинскимъ* въ маленькой брошюрѣ о малорусскихъ народныхъ преданіяхъ. Далѣе, у Руликовскаго находимъ интересные варіанты преданій о Кожемякѣ (Деменкѣ) и сказки объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. Литература предмета старательно собрана въ одной этнографической замѣткѣ *В. В. Калаша* въ „Этнографич. Обзорѣни“. Въ „Запискахъ“ Руликовскаго въ разрядѣ преданій встрѣчается интересная въ историко-литературномъ отношеніи сказка о Сучичѣ, варіантъ сказки, извѣстной по сборникамъ Чубинскаго, Манжуры и другихъ. Научное изслѣдованіе Потебни о Сучичѣ и др. сходныхъ ему лицахъ указано мной при обзорѣ сочиненій Потебни, съ надлежащими дополненіями по литерату-

рѣ предмета. Далѣе у Р. слѣдуетъ нѣсколько любопытныхъ преданій о кievской старинѣ, о древнемъ названіи Кіева Арах-телемъ (62), объ Андреѣ Первозванномъ, о томъ, какъ святой Антоній заперъ демона въ чернильницѣ (69), рядъ преданій о татарахъ, о Батыѣ (72—78), Мамаѣ (79), о набѣгахъ татарскихъ (80—82), сказаніе о затонувшемъ озерѣ (вариантъ обширнаго цикла сказаній, о которомъ мы говорили въ 8 т. сборника Харьк. Истор. Фил. общества 1896 г.), сказаніе объ обращеніи двухъ любовниковъ въ селезня и утку. Совсѣмъ не къ мѣсту среди историческихъ преданій попала сказка о томъ, какъ демонъ сначала далъ лѣсническому денегъ, а потомъ удавилъ его (76). Первый отдѣлъ заканчивается преданіями о Богданѣ Хмельницкомъ, запорожцахъ и гайдамакахъ, въ этихъ преданіяхъ отмѣчены случаи грабежа, запорожское знахарство, ихъ одежды. Интересны и новы преданія о запорожскомъ писарѣ изъ монаховъ Журбѣ и ватажкѣ Витрогонѣ (83—87). Въ преданія вошли въ отрывкахъ двѣ думы, одна о Хмельницкомъ „Бодай Хмеля Хмельницкаго перва куля не минула“, извѣстная въ болѣе подробномъ видѣ по сборнику Антоновича и Драгоманова, и начала другой неизвѣстной, забытой думы о Витрогонѣ:

Пань Боровскій Витрогона припрохае,
 А винь людей не визнавае,
 А пань его на волю пускае.
 „Скажи, скажи, Игвате, хто ще буде з тобою
 То я тебѣ, Игвате, пушу на волю,
 Игватъ словомъ утверждае
 А людей не визнавае.

Во второй отдѣлѣ „*Mity*“ (мины) вошли краткія замѣтки о Паликопѣ, мавкахъ, русалкахъ, вѣдьмахъ, чаровницахъ, змѣѣ летавцѣ, перелестникѣ, дивѣ, упыряхъ, воввулакахъ, посигаловцахъ, нычкѣ и полозахъ.

Въ отдѣлѣ третьемъ (*Wierzenia*) а четвертомъ (*Wyobrazenia przyrodnicze*) находятся краткія сообщенія о *попъряхъ*, связанныхъ съ разными растеніями и животными, съ силами и явленіями природы. Матеріалъ перемѣшанъ, налр., о журавлѣ говорится въ 3, а объ аистѣ въ четвертой главѣ, о кукушкѣ и дят-

лѣ въ 3, а о гусяхъ и ласточкахъ въ 4. Вообще, распредѣленіе матеріала составляетъ слабую сторону „Этн. записокъ“ Руликовскаго.

Въ главахъ 5, 6, 7 и 8 находятся также краткія сообщенія о колдовствѣ, народной медицинѣ, заговорахъ (18 №№) и гаданіяхъ. Между прочимъ приведенъ одинъ архивный документъ XVIII в., о колдовствѣ и 10 наставленій объ уходѣ за пчелами, представляющихъ варианты тѣхъ „наукъ“, которыя находятся въ I т. Чубинскаго.

Въ 9 главѣ находится краткое описаніе *обрядовъ крестинныхъ и свадебныхъ* (стр. 120—123), матеріаль незначительный при существующей въ печати массѣ описаній малорусской свадьбы.

Въ главѣ объ обычаяхъ, связанныхъ съ годовыми праздниками—мелкія замѣтки о народномъ календарѣ, кулачныхъ бояхъ и писанкахъ. Въ эту главу вошло (126—129) описаніе досвѣтокъ, обычая ярмарочные и нѣсколько мелкихъ повѣрій.

Въ 11 главу вошло нѣсколько повѣрій о закладѣ хаты, названія разныхъ частей хаты, воза, плуга, ярма, сохи, бороны и одежды.

Двѣнадцатая глава носитъ названіе *Мова* (языкъ), но здѣсь нѣтъ ничего о мѣстныхъ звуковыхъ особенностяхъ. Въ эту главу вошли названія родныхъ, названіе быковъ и коровъ, формулы привѣтствія, проклятія и брани.

Въ 13 главу вошли думы и пѣсни, всего 19 №№. Первая дума о Дмитріи Вишневецкомъ ранѣе уже издана въ „Описаніи“ васильк. у., въ настоящемъ изданіи добавлено въ концѣ 7 строкъ исключенныхъ въ „Описаніи“: „акъ стрелывъ (Д. В.) то впцельвъ въ сердце султана, а султаншу въ потылицю, а дочь султана въ помисныцю. „Отожь тоби султане, за твою кару“. „Узлымысь языченьци, стали его рубаты; стали янгелы крымы трепаты, стали его тило и душу съ небесъ браты“.

Вторая пѣсня объ Иванѣ Вдовычнѣ представляетъ вариантъ думы, извѣстной по многимъ другимъ сборникамъ.

Въ 14 главу вошло 515 пословиць и въ послѣднюю, 15 главу, 17 загадокъ—матеріаль нелишенный интереса при сравни-

тельномъ изученіи съ болѣе крупными русскими и иностранными сборниками.

Обращаясь къ общей оцѣнкѣ сборника Руликовскаго, нужно оговорить, что главы 1 и 13 заключаютъ въ себѣ историческія преданія и пѣсни, что сообщаетъ имъ большой интересъ и научную цѣнность. Остальныя же главы при другихъ сборникахъ не имѣютъ значенія, по краткости и, главное, извѣстности матеріала. Достоинство „Записокъ“ Руликовскаго состоитъ въ точности записи; слабая сторона ихъ—разбросанность матеріала.

Въ V т. „Zbiór wiadomości“ Руликовскій напечаталъ интересную статью о *каменныхъ бусахъ*, находимыхъ на правомъ берегу Днѣпра. Каменные бусы встрѣчаются очень часто по берегамъ рѣкъ: Стугны, Унавы, Ирпеня и др. днѣпровскихъ притоковъ, затѣмъ на Волыни въ овручскомъ уѣздѣ. По р. Стугнѣ каменные бусы встрѣчаются во всѣхъ селахъ. Крестьяне находятъ ихъ въ поляхъ и лѣсахъ. Каждый сильный дождь выносить ихъ на поверхность земли. Бусинки сдѣланы изъ краснаго слонстаго камня, который находится въ овручскомъ уѣздѣ, гдѣ, вѣроятно, и фабриковались эти издѣлія. Форма бусинокъ—круглая, съ отверстіемъ внутри, иногда съ орнаментами наружи въ видѣ линий или зубцовъ. Крестьяне называютъ ихъ „каминчики жиночки“ и берегутъ съ суевѣрными и лѣчебными цѣлями. Существуетъ повѣрье, что эти камни „ростутъ изъ земли“ и приносятъ счастье тому, кто нашелъ ихъ. Послѣ освященія въ церкви эти бусы отгоняютъ „лихую тварь“ т. е. вѣдьмъ, и помогаютъ въ болѣзняхъ скоту и людямъ, въ особенности женщинамъ, „жинкамъ подобаютъ на жить“ . Эти надѣваютъ коровамъ на шею, чтобы отгонять вѣдьмъ. Въ старинное время женщины вставляли ихъ въ бусы, какъ талисманъ. Въ болѣзняхъ растираютъ камни и пьютъ на водѣ. Въ овручскомъ уѣздѣ эти каменные бусинки называются „помочниками“: помогаютъ отъ сглазу, отравы и боли живота. Мѣстные жида вѣшаютъ ихъ своимъ дѣтямъ на шею вмѣстѣ съ волчьимъ зубомъ, кусочками серебра и желѣза, какъ амулетъ. Сходные каменные бусы были найдены въ Скандинавіи, Германіи (Мекленбургѣ) Великорос-

сіи (по р. Окѣ—зеленаго цвѣта). Называютъ ихъ обыкновенно пряслицами. О значеніи и употребленіи ихъ существуютъ разные мнѣнія, (надѣвались въ прялки и сѣти). Руликовскій держался того мнѣнія, что это были амулеты. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ множество находокъ, красный цвѣтъ бусъ, ихъ орнамента, народныхъ преданія и современное значеніе ихъ у крестьянъ, какъ охранительнаго и лѣчебнаго свойства.

Кольбергъ (Оскаръ). О почтенной личности и плодотворной дѣятельности О. Кольберга былъ рядъ статей и замѣтокъ въ 1889 году, по поводу 50 лѣтняго его юбилея, и въ 1890 г., по случаю кончины его на 76 г. жизни. Сравнительно наиболѣе подробныя біографіи Кольберга на русскомъ языкѣ *Н. А. Янчука* во II кн. „Этнограф. Обзор.“ 1889 г. (съ портретомъ) и *А. Н. Пыпина* въ III т. „Ист. рус. этногр.“ литература на польскомъ языкѣ указана въ концѣ помянутой выше статьи г. Янчука. Позднѣе вышла цѣнная статья г. Рафила-Любича—оттискъ изъ *Ateneum'a* 1890 г. Страстный любитель музыки К. началъ съ собранія народныхъ мелодій и затѣмъ послѣдовательно перешелъ къ собранію пѣсенъ и сказокъ. Онъ предпринялъ рядъ этнографическихъ экскурсій, собралъ громадный матеріалъ, и, не щадя собственныхъ очень скромныхъ средствъ, издалъ десять томовъ пѣсенъ, нотъ и сказокъ. Не перечисляя здѣсь сборники, заключающія исключительно польскій этнографическій матеріалъ, остановимся лишь на сборникахъ галицко-русскихъ и малорусскихъ пѣсенъ и сказокъ.

Наибольшей извѣстности заслуживаетъ цѣнный сборникъ „*Rokicie*“ въ 4 томахъ, заключающій въ себѣ пѣсни и сказки гудуловъ. Трудъ этотъ составляетъ весьма полезное дополненіе къ извѣстному сборнику пѣсенъ Головацкаго. На страницахъ „*Кіев. Стар.*“ 1884 № 3 была уже довольно подробная рецензія г. Неймана на первые 2 тома „*Rokicie*“, повторенная затѣмъ г. Пыпинымъ въ 3 т. „Ист. русской этнографіи“. Подробный обзоръ IV т. *Rokicie* мы дали въ „Этнограф. Обзор.“ 1894 г. кн. XXII. Не повторяя сказаннаго, отмѣтимъ здѣсь лишь содержаніе 3 тома, кажется, совсѣмъ неизвѣстнаго въ Россіи.

Третій томъ „Рокисіе“ вышелъ въ 1888 году (293 стр.). Послѣ краткаго продисловія и картинки, изображающей танецъ коломыйку, слѣдуетъ описаніе танцевъ коломыйки, вертака, чабана, серпена, музыкальныхъ инструментовъ (1—10) и затѣмъ слѣдуетъ цѣнный сборникъ пѣсенъ коломыекъ съ нотами, всего 721 пѣсня со 102 нотами. Въ литературномъ отношеніи этотъ сборникъ коломыекъ такъ же важень, какъ и сборникъ Головацкаго (II и III томы). Въ отношеніи музыкальномъ это драгоценный сборникъ, по массѣ мотивовъ, записанныхъ такимъ знатокомъ музыки, какъ Кольбергъ. Желаящіе изучить народную малорусскую музыку имѣютъ въ III т. „Рокисіе“ полезное пособіе. У Головацкаго нотъ нѣтъ. Дума о Барабашѣ положена на музыку Н. В. Лисенкомъ въ 7 кн. „Кіев. Стар.“ 1888 г., у Чубинскаго въ III т. положено на музыку нѣсколько колядокъ и въ концѣ IV т. свадебныя пѣсни м. Борисполя Переяславскаго уѣзда (138 №№), у Захревскаго 32 №№, кое что. У Неймана въ VIII т. Zbiór Wiadom. Болѣе всего нотъ у сборникахъ Кольберга.

Большая часть III тома посвящена разъясненію народнаго міросозерцанія, какъ выразилось оно въ сказкахъ и повѣрьяхъ о происхожденіи міра и въ демонологіи (79—179). Сюда вошли: космогоническая дуалистическая сказка о сотвореніи міра Богомъ и демоновъ чертомъ, о войпѣ Бога (и ангеловъ) съ сатаной (и демонами), о происхожденіи криниць, озеръ и рѣкъ (ныряніе сатаны на дно моря за землей), 8 рассказовъ о чертяхъ, 4 о громѣ и вѣтрѣ (молнія бьетъ въ демона; въ вихрѣ празднуетъ чертъ свадьбу), 7 рассказовъ о болѣзняхъ (въ томъ числѣ рассказъ о вѣдьмѣ въ видѣ кошки), 9 о мавкахъ или нявкахъ (наружный видъ, названіе, похищеніе дѣтей, обереги, сходство съ мамунами и дивоженами), 4—о страдкахъ (дѣтяхъ, умершихъ до крещенія, 2—о летавцѣ (обереги отъ него), объ утопленникѣ, 3—о дидѣ (духъ охранителѣ) и дидькахъ (демонахъ) 2—о рахманахъ, замѣтки о снѣ—дримотѣ, 4 рассказа о вовкулакахъ, 49 рассказовъ о вѣдьмахъ (отдѣлъ сравнительно съ другими полный и содержательный), 29 рассказовъ о чародѣйствѣ, 28 замѣтокъ о птицахъ и животныхъ (медвѣдѣ, вротѣ, волкѣ,

аистѣ, ласточкѣ, ужѣ, толкованія значенія крика птицѣ), 28 замѣтокъ о растеніяхъ (чебрецѣ, василькахъ и др.), 63 повѣрья о домѣ, домашнемъ хозяйствѣ, посѣвѣ, жатвѣ, 5 примѣтъ о погодѣ, 42 толкованія сновидѣній, 96 замѣтокъ о народныхъ болѣзняхъ и лѣчебныхъ средствахъ (препленица, золотникъ, укушеніе змѣи и др.). Затѣмъ слѣдуетъ сборникъ пословицъ (616 №), записанныхъ въ коломыйскомъ округѣ (стр. 179—198).

Въ концѣ тома находятся разныя дополненія о танцѣ коломыйкѣ, чертѣ, громѣ, вѣтрѣ, майкахъ, рахманахъ, вовкунѣ и др., дополненія мелкія. Выдаются по величинѣ дополненія разсказовъ о вѣдьмахъ и упыряхъ (27 №№), чародѣйствъ (12 №№) и замѣтки о народномъ календарѣ (220—226).

Изъ этого сухаго перечня видно уже разнообразное содержаніе III т. Многое въ немъ, правда, повторяетъ уже извѣстныя изъ „Трудовъ“ Чубинскаго, но есть много оригинальныхъ мелочей. Такъ, разсказы о вѣдьмахъ могутъ составить полезное дополненіе къ сборнику г. Иванова.

Есть много любопытныхъ мелочей, напр., мѣстныя галицко-русскія названія растеній и распредѣленіе растеній на употребляемыя въ хозяйствѣ, въ чародѣйствѣ и въ медицинѣ, напр., кадыло (*Dictamnus albus*)—оберегъ отъ мавокъ, обрамашекъ—противъ устарѣнія человѣка, попивъ-мудъ (*Evonimus evgoreus*) отъ лишая. Последнее названіе встрѣчалось намъ въ Подоліи въ приуроченіи къ писанкамъ. Попова-мудъ, очевидно, поображенію. Это вустарникъ, растущій въ лѣсу и въ огородахъ, съ красными ягодами.

Интересны замѣтки о болѣзняхъ „золотникъ“ (на 162—163 стр.). Слово золотникъ часто встрѣчается въ заговорахъ малорусскихъ и великорусскихъ (въ сборникѣ Л. Майнова), причемъ обозначаетъ матку. Въ Галиціи болѣзнь эту приурочиваютъ къ женщинамъ и мужчинамъ. Думаютъ, что золотникъ находится подъ пупкомъ въ животѣ и, если кто подниметъ тяжелое, то опускается книзу, и человѣкъ болѣетъ.

Одновременно съ изданіемъ 3 тома Rokucie Кольбергъ напечаталъ въ краковскомъ Zbiór wiadomości do antrop. krajowej 1888 г. XII небольшой сборникъ малорусскихъ пѣсенъ изъ По-

долиі „*Piesni ludu Podola rossyjskiego*“. Пѣснямъ предшествуетъ краткая замѣтка о годовыхъ праздникахъ. Всѣхъ пѣсень 40 съ нотами, и самыя пѣсни изданы ради музыкальнаго значенія ихъ и по содержанію ничего особеннаго не представляютъ. Въ XIII т. Zbiąg изданы „Полѣвскія легенды“ (собраны въ пинскомъ уѣздѣ) и „Свадебныя полѣвскія обычаи и обряды“ (записаны тамъ же).

Четвертый (последній) томъ „*Rokucie*“ вышелъ въ 1889 г. Сюда вошли 77 сказокъ и 205 загадокъ. Загадки могутъ представить интересъ лишь при специальномъ ихъ изученіи. Интереснѣе сказки. Сборникъ Кольберга восполняетъ сборники Чубинскаго, Рудченка и Манжуры интересными вариантами и представляетъ кое-что новое. Подробный библиографическій обзоръ всѣхъ галицко-русскихъ сказокъ въ изданіи Кольберга, съ указаніемъ литературы, сдѣланъ нами въ XXII кн. „Этнограф. Обзорѣнія“ 1894 г. Наиболѣе интересныя въ историко-литературномъ отношеніи сказки подъ №№ 1, 18 и 21 о трудныхъ задачахъ, подъ № 8 о подмѣнѣ ребенка злой женщиной, подъ № 7 объ отцеубійствѣ и покаяніи убійцы, изъ круга апокрифовъ, подъ № 32 повѣсть о мученіи прядева, подъ №№ 50, 51 о мудрой дѣвѣ, подъ №№ 49, 50, 76 сказки съ загадками, соответствующія великорусскимъ пѣснямъ съ загадкой о милой, сидящей на костяхъ милаго и древней повѣсти о Петрѣ и Февроніи. Сказка о покаяніи ангела (№ 41) хорошо известна по великорусскому варианту въ обработкѣ графа Л. Н. Толстаго („Чѣмъ люди живы“). Окончаніе галицкаго варианта (о пѣніи ангела при отлетѣ на небо) отличается художественнымъ достоинствомъ. Моральнымъ достоинствомъ отличается затѣмъ сказка о судѣ Божіемъ подъ № 39 на тему, что преступникъ не остается безъ наказанія. Наряду съ этими сказками встрѣчаются сказки грубыя, съ оправданіемъ побоевъ жены (№ 38) и съ восхваленіемъ воровства (37, 58—64). Правда, сказки объ искусномъ ворѣ встрѣчаются съ давнихъ поръ у разныхъ народовъ, причемъ въ особенности популярной оказывается сказка на геродотовскую тему о похищеніи сокровища царя Рампсинита. У гуцуловъ слишкомъ много сказокъ о ворахъ, и въ ворахъ наживная мораль здѣсь относится слишкомъ снисходительно и даже одобри-

тельно. Нѣкоторыя гуцульскія сказки представляютъ большое сходство съ западными новеллами, фацеціями и народными книгами и, по всей вѣроятности, вышли изъ нѣмецкихъ Volksbücher. Вообще, четвертый томъ „Rokucie“ представляетъ значительный историко-литературный интересъ. Въ сказкѣ про алмазную дорогу (№ 74) къ шаблонному сказочному окончанію, въ родѣ обычнаго „и я тамъ былъ, медь-вино пилъ“ и пр., применила любопытная народная пѣсня о еврейскихъ притѣсненіяхъ.

Теперь добре все минуло,
 Пришло въ свѣти наркаты,
 Ряду землю опускаты.
 Всека нужда имъ присшла,
 Зъ жидами аворошила,
 Приде въ свѣти погыбаты.
 Кто жъ Гуцула поратуе?
 Зъ насъ ся каждый поепенкуе,
 Язъ терѣчки намъ не стане.

Г. Поповскій въ VIII т. „Zbiór“ помѣстилъ Pieśni ludu ruskiego ze wsi Zalewańszczyzny“. Собиратель прямо, безъ малѣйшаго предисловія, начинаетъ съ пѣсни о Нечаѣ и затѣмъ приводитъ всего 176 №№ пѣсенъ на 61 страницѣ. Не обозначено даже, какаго уѣзда, какой губерніи эта Залеванщина. Въ читателяхъ, даже у записныхъ географовъ нельзя предполагать знанія всѣхъ малорусскихъ селъ. Г. Поповскій, очевидно, пропустилъ, а редакція забыла отмѣтить, гдѣ же находится Залеванщина. Нельзя требовать отъ читателя справокъ въ многотомныхъ „Спискахъ населенныхъ мѣстъ Россіи“, да и справки не могутъ помочь читателю, такъ какъ Залеванщины оказываются въ разныхъ малорусскихъ губерніяхъ, могутъ находиться и въ закардонной Галиціи. По языку пѣсенъ приходится лишь догадываться, что мы имѣемъ дѣло съ украинскими пѣснями.

Сборникъ г. Поповскаго, равно какъ многіе другіе сборники малорусскихъ пѣсенъ новѣйшаго времени, г. Омельченка, № 7 Д и Неймана, Рокосовской, въ значительной степени ограничиваетъ общераспространенное мнѣніе о глубокомъ упадкѣ малорусской народной поэзіи. У г. П. многія народныя пѣсни отличаются художественностью образовъ и изяществомъ выраженій. Въ языкѣ встрѣчаются великорусскія слова. Въ сборни-

кѣ отмѣчено, когда и отъ кого записаны пѣсни историческія. Изрѣдка встрѣчаются указанія на варианты у Головацкаго, Чубинскаго, Рудченка и Мордовцева. Распределение пѣсенъ не отличается систематичностью. Въ виду малой извѣстности сборника г. П., мы здѣсь отмѣтимъ заголовки и содержаніе главныхъ отдѣловъ и выдающихся пѣсенъ.

1) *О Нечая* „Ой въ лузи, въ лузи“ и пр.—весьма распространенная пѣсня, извѣстная по многимъ сборникамъ (у Антонов. и Драгом. во II т. 38 вариантовъ, въ *Zbiór wiadom.* VIII 162).

2) *О Гавриленкѣ* „Ей якъ ясно сонечко сходить“ (Г. одождываетъ разбойниковъ).

3) *О татарскомъ набѣгѣ* „А въ неділю пораненьку“... Пѣсня сложная, вначалѣ о татарскомъ набѣгѣ на побережцевъ, въ концѣ о подчиненіи Сѣчи императрицѣ Екатеринѣ. Обѣ части оригинальны, впервые являются въ печати. Въ „Политическихъ пѣсняхъ“ подобнаго варианта нѣтъ.

4) *„Ой зажурывся та сивъ соколенько“* отнесена г. Поповскимъ къ пѣснямъ о паденіи Запорожья, хотя въ самой пѣснѣ нѣтъ ничего о Запорожьѣ.

5) *„Ой не пугай пугаченьку“*. Г. П. ошибочно относитъ и эту пѣсню къ историческимъ, именно, къ пѣснямъ о паденіи Запорожья. Въ этой пѣснѣ рѣчь идетъ о спорѣ орла съ конемъ, о чемъ см. статью *Потемни* въ „Къ ист. звуковъ“ и мою замѣтку о ней въ 1 вып. „Соврем. малор. этногр.“ стр. 34.

6) *О гайдамакѣ Недуменкѣ*—мать совѣтуетъ Н. не пить; Н. ослушался, пошелъ въ лѣсъ и попалъ въ тюрьму—изъ разбойничьихъ пѣсенъ.

7) *Мене батько слодовавъ*—разбойничья пѣсня на распространенный мотивъ: мужъ разбойникъ убиваетъ въ дорогѣ шурину. Подобныя великор. у *Аристова* въ соч. о разбойничьихъ пѣсняхъ, въ *Литоп. рус. литер. и древн.* и др.

8) *„Ой сердене, серденечку“*, въ вариантахъ „Ой сербино, сербиночку“, „Ой свербыно, свербыночку“, извѣстна по многимъ сборникамъ *Чубин.* V 481, *Голов.* I 206, II 582, *Zbiór wiadom.* II 73, VIII 169, *Kolberg*, *Pokucie* II 52, *Lud* (польск.) I 8 (32 вар.) XVI 475, *Erben*, *Czeske pis* 417, 478, *Wojcick*

150; *Wisła* 1890 стр. 164; 1891 г. I. Содержаніе: дѣвушка навязывается въ жены, даетъ отраву брату, парубокъ ея не беретъ, она идетъ замужъ за нищаго и терпитъ побои.

10) „*Ой въ Києвъ на подомъ*“—весьма распространенная пѣсня—баллада на мотивъ о превращеніи брата и сестры въ цвѣты. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ *Zbiór wiadom.* VIII 166 (*Z. D. ib.* 166, Чуб. V 479, *Polb. Rok.* II 32, 33, *Erlen* 483).

11) „*Ой у яру либокимъ*“—весьма распространенная пѣсня о кровосмѣшеніи: мать бросаетъ двухъ сыновей въ Дунай, потомъ выходитъ замужъ за одного, дочку выдаетъ за другаго. Варіанты указаны г. Нейманомъ въ *Zbiór* 167 (Чуб. V; 407, стр. 888, 485—II варіантовъ, *Голов.* I, 45, 73, II, 577—3 вар., *Koll. Zud.* I, 217, *Рокусіе* II 29—37; *Ант. и Драг.* I 275, *Шейнъ Бѣлор.* п. 142—3 варіан.).

12) „*Коло млына червона калына*“—дѣвушка угощаетъ козака, приглашаетъ переночевать съ ней, козакъ говоритъ, что у него есть любимая жена и дѣти. Варіантъ въ „*Политическ. пѣсняхъ*“.

13) „*И кинь мими спотыкается*“—весьма распространенная пѣсня: козакъ спитъ, приближаются татары, дѣвушка бьетъ его травой по лицу и будитъ. Варіанты въ сказкахъ у *Манжуры* 31, *Садовникова* 30, *Караджича* 266, *Шейнъ, Матер.* I, 578 и мн. др. Подробнѣе объ этомъ мотивѣ мы говоримъ въ особой приготовляемой для печати монографіи.

74) *О панцинь*—наступила черна хмара, затѣмъ сѣрая, была Польша, затѣмъ Россія и пр.—извѣстна по разнымъ сборникамъ (*Z. D.*, *Неймана* и др.).

77) „*Та посіляє я макъ*“—горе мужа, жена котораго утонула въ Дунаѣ и оставила ему 4 дѣтей.

176) *О свадьбѣ птиць*—„перепелыченъка не велыченъка“ и пр., варіантъ у *Вересая*.

Большая часть пѣсенъ—любовныя—парубковъ и дивчатъ; много пѣсенъ женскихъ, изъ коихъ выдаются жалобы жены на свекра и свекруху (№№ 59, 78), на мужа пьяницу (№ 80, варіантъ пѣсни „*Ой кудро кудрявая*“ въ I т. *Объясн. А. А. По-тебни*), нѣсколько характерныхъ пьяницевыхъ пѣсенъ (81, 82,

109—117), шуточных и скабрёзных „гудвинонь“ (118—175). Встрѣчаются оригинальные пѣсенные мотивы, полные оди мѣт-каго юмора, другіе глубокаго чувства. Встрѣчается много пѣсенъ, характеризующихъ любовное отношеніе мужа къ женѣ. Въ одной пѣснѣ (№ 59) свекоръ совѣтуетъ сыну бить жену; сынъ отвѣчаетъ.

За що ія, тату, бить,
 Коли зъ нею добре жить:
 Вона змеле и зтовче,
 И наварить, напече,
 И помне, помаже,
 Билу постыль постелить,
 И со мною спати ляже,
 И нікому не скаже.

Въ другой пѣснѣ (№ 78) жена жалуется мужу на свекруху.

Якъ твоєи невѣди не вгоджу,
 Поперу хуста на ричци,
 А вона каже, що въ дещи,
 Поперу хуста на води,
 А вона каже въ болоти;
 Поперу хуста въ мила,
 А вона каже що въ глини
 Принесу води, тай не пье
 Замету хату—не стане,
 Помію ложки—не глине.

Мужъ отвѣчаетъ:

Не роби, мила, не роби,
 Складай рученьки та и сяди
 Шежъ моя мати не стара
 Принесе води шей сама...

Въ третьей пѣснѣ (№ 152) жена хвалитъ своего мужа за то, что онъ добрый, „намеле, натовче, сухихъ дривець врубает и горилочки розидбае“.

Самая ссора супруговъ воспроизводится въ пѣсняхъ въ мягкой формѣ, съ оттѣнкомъ грусти и юмора, напримѣръ въ пьяницкой пѣснѣ (№ 011):

Не я пьяный, не я пьяный—горилочка пьяна,
 Ой отчини, вориточки, Гаусю кохана,
 Ты господарь, ты господарь, возьми соби хлопця,
 Нехай тобі отчиняе шо вечеръ воротця.

На послѣдующія просьбы мужа сварить вечерю, постлать постель, Гануся предлагаетъ господарю нанять кухарку и горничную. Затѣмъ слѣдуетъ послѣдняя просьба господаря.

Не я пьяный, не я пьяный—горилочка пьяна
Лагай, лягай зо мною, Ганусю кохана.
Зажди мнѣ хоть часочокъ, зажди хоть годныку,
Нехай же я приколишу малую дитныку.

Здѣсь чувственность введена въ строгія границы тафта и обязанности.

Въ сборникѣ г. Поповскаго встрѣчается много пѣсенъ, извѣстныхъ уже по прежнимъ сборникамъ, напр. „Ой чумаче“ (105), „Зеленый дубочокъ“ (100), „Ты зиронько“ (50), „Ой пидь гасмъ“ (42), „Сыдыть сирормаха“ (22) и др.

Встрѣчается нѣсколько великорусскихъ пѣсенъ въ передѣлкѣ на малорусскій ладъ, напр., подъ № 23 „Ой зъ пидь каменя“ и № 21 „Ой на мори на Днипри (искаженная донская пѣсня).

Попадаютъ странные припѣвы, напр., въ № 33 каждая вторая строка оканчивается восклицаніемъ охъ, ха, ха! въ № 69 вохъ-та-ли-ла-друмъ-друмъ! въ № 97 въ началѣ и концѣ пѣсни потворяется сложный припѣвъ:

Фить, фить, фить, техъ, техъ, техъ
Ай, ай, ай, охъ, охъ, охъ!

Это соловьиное насвистываніе могло быть усвоено отъ странствующихъ музыкантовъ.

Г. Выковскій *Pieśni obzędowe ludu ruskiego z okolic Pińska*, въ *Zbiór wiadomości do antrop. kraj.* 1878 II, 260—285. Содержаніе: 1) *Кустъ*—обычай водить дѣвушку на зеленыхъ святкахъ, о чемъ упоминаетъ Мандельштамъ въ соч. „Опытъ объясн. об.“ и подробнѣе см. въ моемъ соч. „Культъ. переживанія“ въ ст. „Водить тополю“. Г. Выковскій приводитъ 12 пѣсенъ „кустовыхъ“, вполнѣ малорусскихъ по языку. 2) *Пѣсни весеннія*, считаемъ 3; 3) *пѣсни лѣтнія*—всего 5, которыя точнѣе было бы назвать обжинковыми пѣснями; 4) *пѣсня осенняя*, 5) *разныя пѣсни*—всего 7, изъ коихъ 2 колядки и одна пьяницкая. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе свадьбы, причемъ при-

ведено 60 свадебныхъ пѣсенъ. Сборникъ небольшой и важный.

Г. Подберскій далъ „Materiały do demonologii ludu ugrajńskiego“, въ VI т. Zbiór wiadom. do antrop. ugrajaw. 1880 года 3—83. Матеріалы эти, собранные въ чигиринскомъ уѣздѣ, въ научномъ отношеніи представляются цѣнными; они заключаютъ въ себѣ много новыхъ подробностей, не встрѣчающихся въ изданныхъ въ Россіи сборникахъ южно русскихъ этнографическихъ матеріаловъ. Повѣрья записаны непосредственно изъ народныхъ устъ. Вообще сборникъ этотъ заслуживаетъ вниманія по обилію демонологическихъ повѣрій. Содержаніе: 1) *Привидѣнія и души*: а) мавки, лоскотки и скарбы, б) русалки, в) домовой, г) дьявольскія дѣти (одмина). 2) *упыри—олицетворенія болѣзней*: а) перелесники и обоясныки, 2) упырь изъ Макіевскаго хутора, в) о покойникѣ Харькѣ и парубкѣ Василѣ, г) упырь разгоняетъ досветки, д) Оситняскій упырь Халявка, е) упырь на 13-й верстѣ, ж) борьба упыря съ висѣльникомъ подъ Чигирномъ, з) происхожденіе чумы, и) появленіе холеры, і) вовкулака и Матусова. 3) *Вѣдьмы*: а) Оситянская вѣдьма, б) вѣдьма—попова жена, в) вѣдьма наречоная, г) Шалабайка (о ярчукѣ), д) Кучурвална, е) Марта Кострубаха, ж) поврежденіе креста въ полѣ (фігуры), з) шабашъ на лысой горѣ, и) китайгородская вѣдьма. 4) *Бѣсы и кикиморы*—8 рассказовъ о дьяволѣ, проживавшемъ въ горилчаномъ заводѣ, о явленіи бѣса въ видѣ свиньи, барашка и др. 5) *Колдовство*: а) знахари, характерники и планетники, б) чары, насланія, уроки, пристрить, в) заговоры отъ болѣзней и повѣрья—13, г) Божія наказанія за несоблюденіе праздниковъ. 6) *Болѣзни людей и скота и заговоры* числомъ 26, съ краткой замѣткой въ концѣ о народной хирургіи (вырваніе зубовъ кузнецами).

Г. Врыччинскій, *Zapiski etnograficzne z Polesia Wołyńskiego*, въ Zbiór Wiadom. 1888 XII 81—103. Краткая замѣтка о крестинахъ. Описаніе свадебныхъ обрядовъ и 30 коротенькихъ свадебныхъ пѣсенъ. Замѣтки о похоронахъ, закрукѣ, купальскихъ обрядахъ и 6 купальскихъ пѣсенъ. Кромѣ того 7 на-

родныхъ пѣсенъ, уже извѣстныхъ ранѣе въ печати. Сборникъ небольшой и малосодержательный.

Г. Земба въ XII т. Zbiór'a 1888 стр. 227—230 далъ небольшую замѣтку „Zwyczaje pogrzebowe w okolicach Uszycu na Podolu“.

Г. Густавичъ въ V т. Zbiór 1881 г. стр. 102—187 далъ интересный сводъ польскихъ и отчасти галицко-русскихъ народныхъ повѣрій о животныхъ. Статья подробная, напр. о ящерицѣ 23 повѣрья, о ласточкѣ 32, аистѣ 28, бывахъ и коровахъ 187.

Г. Грегоровичъ въ V т. Pamiętnik Towarzystwa tatrzańskiego“ ч. 2, стр. 26—36 помѣстилъ небольшой, но интересный гуцульскій словарь. Такіе труды легко затериваются, а между тѣмъ путемъ накопленія ихъ можно было бы подготовить почву для серьезнаго изученія лексической стороны малорусскаго языка.

Колесса (Янъ) въ XIII т. Zbiór напечаталъ сборникъ этнографическихъ матеріаловъ о родинныхъ, свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ русиновъ въ с. Ходовицахъ стрійскаго повѣта.

Цисеѣ въ XIII т. Zbiór напечаталъ интересные этнографическіе матеріалы изъ м. Жалынъ перемышльскаго повѣта. Здѣсь, между прочимъ, приведено описаніе вертепа, сообщено о братствѣ, основанномъ сапожниками, приведены повѣрья о колдовствѣ.

Коперницкій (Исидоръ), извѣстный польскій антропологъ (род. 1825 † 1891), воспитанныкъ кievскаго университета, интересовался, между прочимъ, и малорусскою этнографіей и въ положеніи редактора краковскаго антропологическаго сборника открылъ широкій доступъ на страницы этого изданія малорусскимъ этнографическимъ матеріаламъ. Біографія И. Коперницкаго и бібліографическій обзоръ его трудовъ см. въ „Бібліографическомъ словарѣ профессоровъ кievскаго университета“, некрологъ въ „Кiev. Старинѣ“ 1891 г. № XII 462—465. Коперницкій редактировалъ нѣкоторые вошедшіе въ Zbiór сборники малорусскихъ этнографическихъ матеріаловъ, а въ VIII т. напечатано двѣ самостоятельныхъ статьи „Физическая характе-

ристикъ русскихъ горцевъ“ (въ Галиціи) и „Этнографическій очеркъ русскихъ горцевъ въ Галиціи“. Въ отзывѣ г. В. А. въ „Кіевск. Стар.“ 1891 г. XI, 136 эти статьи Коперницкаго оценены, „какъ работы весьма основательныя и точныя“. Здѣсь же данъ обзоръ ихъ содержанія.

Талько-Гринцевичъ—авторъ небольшой статьи „Физическая характеристика украинскаго населенія“ въ XIV томѣ Zbiór wiadomości. Содержаніе этой статьи и ея недостатки были отмѣчены въ XI кн. „Кіевск. Старинны“ 1891 года въ редакціи г. В. А.

Г-жа Мошинская. Среди довольно многочисленныхъ польскихъ этнографическихъ сборниковъ, составленныхъ женщинами, сборники г-жи Мошинской выдаются по значительной величинѣ, точности записей и, что для насъ представляетъ спеціальнѣйшій интересъ, всецѣло посвящены коренному украинскому населенію бѣлоцерковскаго, таращанскаго и васильковскаго уѣздовъ кіевской губерніи. Въ русской научной литературѣ сборники эти совсѣмъ невзвѣстны, по крайней мѣрѣ, я не встрѣчалъ на нихъ ссылокъ или указаній, если не считать одного краткаго упоминанія въ III т. „Ист. рус. этн.“ Пыпина. Малая извѣстность сборниковъ г-жи М. обусловлена отчасти помѣщеніемъ ихъ въ такомъ спеціальномъ и сухомъ изданіи, какъ „Zbiór wiadomości“ краковской академіи наукъ. Мы извѣстны три сборника, именно:

1) *Zwyczaje, obrzędy i pieśni weselne ludu Ukraińskiego z okolic Białejcerkwi*, въ Zbiór wiadomości do antrop. krajowej 1878 II, 183—209. Свадьба здѣсь разсмотрѣна въ слѣдующихъ главахъ: 1) ухаживаніе (zaloty), 2) любовь и чары, 3) сваты, 4) змовины, 5) предсвадебная суббота; коровой, 6) дѣвичій вечеръ (плетеніе гильца), 7) слюбъ, 8) поѣздка къ родителямъ жениха, 9) поѣздка къ родителямъ невѣсты, 10) возвращеніе къ жениху; 11) свадьба въ домѣ невѣсты, 12) благословеніе, 13) свадьба въ домѣ жениха, 14) другой день по вѣнчаніи, 15) купаніе свекрови (обливаютъ холодной водой). При описаніи обрядовъ свадебныхъ приложено 60 свадебныхъ пѣсенъ. Какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ обрядахъ новаго мало; кое-какія

любопытныя новыя мелочи находятся въ послѣдней 15 главѣ, которая относится къ обычаю „перезвы“.

2) *Kupajlo, tudzież zabawy doroczne i inne z dodatkiem niektórych obrzędów i piosni weselných ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi*, въ V т. Zbiór wiadom. do antrop. krajow. 1881, 24—102. Представленное г-жей Мошинской *описаніе купальскихъ обрядовъ и пѣсенъ* является самымъ подробнымъ и обстоятельнымъ изъ всѣхъ существующихъ нынѣ описаній этого рода. Здѣсь приведено 17 описаній, записанныхъ въ 17 селахъ бѣлоцерковскаго уѣзда, съ точной передачей купальныхъ пѣсенъ, изъ коихъ нѣкоторыя отличаются древностью и поэтическимъ достоинствомъ, напр.—варианты извѣстной пѣсни „Ой тыхо, тыхо Дунай воду несе“ (36—37). Купальные обряды и пѣсни составляютъ первую, наиболѣе содержательную главу въ сборникѣ г-жи Мошинской. Вторая глава посвящена *юдовымъ праздникамъ* и весеннимъ и лѣтнимъ *играмъ* молодежи (пуцанье, вязаніе колодокъ съ приложеніемъ пѣсенъ, 2 варианта игры въ Володаря съ 8 пѣснями, кривой танецъ съ 3 пѣснями, шумъ, макъ, груша, зайчикъ, нелюбчикъ, царенко—всѣ эти игры приведены съ пѣснями, повѣрья и обряды, связанные со днемъ весенняго Юрія, зелеными святками (розегри), днемъ Евкатерины, ап. Андрея, Рождества Христова, причемъ приведено 9 коладокъ религиозно-апокрифическаго содержанія, „богатый вечеръ“ съ гаданіями и 3 пѣснями). Третья глава заключаетъ сообщенія объ *улицкахъ и досвіткахъ* съ 34 пѣснями и о *дѣтскихъ играхъ*: 1) квась, 2) краска, 3) пижмурокъ, 4) бджолы, 5) блохи, 6) жукъ, 7) мышка, 8) жинка, 9) грибокъ, 10) шулякъ, 11) гуси, 12) реготынь, 13) хрепчикъ, 14) карапузница, 15—16) сила, 17) довга лоза, 18) верныголова, 19) коромысло и 20) щука. №№ 6, 7, 8, 10, 11 снабжены пѣснями. Четвертая глава заключаетъ въ себѣ краткое описаніе *свадебныхъ обрядовъ* и 47 *свадебныхъ пѣсенъ*, извѣстныхъ уже по другимъ сборникамъ свадебныхъ пѣсенъ.

3) *Bajki i zagadki ludu ukraińskiego*, въ IX т. Zbiór. wiadom. do antrop. kraj. 1885, 73—173. Въ сборникѣ находится 35 сказокъ, три небылицы и 156 загадокъ. Сказки про богатаго Марка, счастливаго дурня, трехъ братьевъ, Покотыгородека,

злую мачиху, Сучича, дидовы возы (со стихами), царя Іона, про разбойниковъ, о злыхъ и лѣнивыхъ женахъ, о томъ, какъ баба обманула чорта, про Гирку семилитку, про глупыхъ людей на свѣтѣ, что мѣшкомъ свѣтъ ловили, про мудраго дурня, про Бирика (въ стихахъ), про поповыхъ наймитовъ и нѣсколько другихъ.

Сборникъ г-жи М., хотя и не великъ по объему, но по богатству мотивовъ, по историко-литературной важности сказокъ, принадлежитъ къ числу наилучшихъ сборниковъ малорусскаго этнографическаго матеріала. Сказки, какъ на подборъ, въ высшей степени интересныя въ научномъ отношеніи. Сюда вошла цѣнная по своеобразнымъ деталямъ сказка о Маркѣ богатомъ (см. мое изслѣд. въ XX кн. *Этногр. Обзор.* и дополненія въ нему въ XXI кн. 1894 г.). Сказка „про мылосерднаго хлопца“ очень близко подходитъ къ новогреческой, изданной въ „*Les traditions popul. de l'Asie Mineure*“ *Carney et Nicolaides*. Сказка „про братыка баранца“ представляетъ одинъ изъ лучшихъ вариантововъ, изданныхъ ранѣе Чубинскимъ и др. этнографами. Эта сказка имѣетъ очень древнихъ родственниковъ; такъ, она весьма близко подходитъ къ древне-египетской сказкѣ о двухъ братьяхъ (*Maspero, Contes popul. de l'anc. Egypte* № 1). Сказка о Сучичѣ, обратившая на себя вниманіе Потебни, въ вариантѣ г-жи М. изложена со многими любопытными подробностями. Чрезвычайно интересна затѣмъ сказка „про царя Іона“, какъ отзвукъ талмудическаго и др. сказаній о наказаніи царя за гордость. Столь же интересны двѣ большія сказки на чрезвычайно популярную и цѣнную въ историко-литературномъ отношеніи тему о мудрой дѣвѣ, задающей загадки, сказки, родственныя апокрифамъ и повѣстямъ (царица Савская, Петръ и Февронія и др.). Затѣмъ весьма интересны небольшія сказки или анекдоты въ родѣ западныхъ новеллъ и фѣацецій. Наконецъ, въ сборникѣ г-жи Мошинской есть нѣсколько новыхъ сказокъ и оригинальныхъ передѣлокъ извѣстныхъ. Все это въ совокупности сообщаетъ сборнику г-жи М. значеніе полезнаго пособія при изученіи малорусской народной словесности. Болѣе подробный обзоръ

содержанія сборника г-жи Мошинской сдѣланъ нами въ „Этнографич. Обзор.“ 1894 г. кн. XXII.

Г-жа Рокоссовская дала столь же значительные по величинѣ этнографическіе сборники пѣсень и повѣрій малоруссовъ волынской губерніи:

1) *Wesele i piesni ludu ruskiego ze wsi Jurkow, szczynny w pow. Zwiahelskim na Wołyni* въ VII т. *Zbiór wiadom. do antrop. kraj. 1883, 154—244.* Въ сборникѣ находится 75 *свадебныхъ пѣсень*, изъ которыхъ нѣкоторыя отличаются величиной и своеобразнымъ характеромъ живой импровизаціи на данный случай. Далѣе слѣдуютъ 39 *думокъ* и 293 *пѣсень* бытовыхъ, колыбельныхъ, дѣвичьихъ, и др. Встрѣчаются изрѣдка указанія на сходные варианты въ „*Rokucie*“ Кольберга. Въ числѣ *думокъ* находятся пѣсня объ обращеніи женщины въ былинну (№ 2), о Бондаривнѣ (№ 2), объ отравленіи казака дивчиной (№ 5), казнь Петруся за связь съ паней (№ 11). Въ „*думки*“ вошли обычныя любовныя и свадебныя пѣсни, изъ которыхъ много извѣстныхъ. Болѣе своеобразія представляютъ бытовыя пѣсенки. Изрѣдка въ пѣсняхъ проскакиваютъ великорусскія слова, подчеркнутыя собирательницей, напр., *окошечко*, *карманъ*, *дворянинъ*. Крайне исковерканной посторонними примѣсами пѣснею является лишь одна подъ № 149, какъ рѣдкое исключеніе, пѣсня, несомнѣнно солдатская. Вообще, пѣсни, собранныя Рокоссовской, представляются любопытными образцами современной украинской народной поэзіи въ мѣстностяхъ, наименѣ затронутыхъ посторонними вліяніями.

2) Въ XIII кн. *Zbiór* г-жа Рокоссовская помѣстила интересный сборникъ о вѣрованіяхъ и преданіяхъ малоруссовъ с. Юрковщины новгородъ-волынскаго уѣзда о предметахъ растительнаго царства.

3) *Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu*, въ XI т. *Zbiór wiadom. do antrop. kraj. 1887 г., с. 130—229.* Въ этотъ сборникъ вошелъ этнографическій матеріалъ, собранный г-жей Рокоссовской все въ томъ же селѣ Юрковщинѣ. Матеріалъ редактированъ Коперницкимъ. Содержаніе сборника: 1) *родины* и *крестины* (скрываніе имени ребенка, злвины, осыпаніе частей

житомъ, подарки матери „на мыло“; кладутъ борону передъ порогомъ хаты, приведено 5 пѣсень); 2) *свадьба* (краткое описаніе обрядовъ при хорошей и плохой свадьбѣ, когда невѣста оказалась нечестной, и 35 пѣсень); 3) *похороны* (повѣрья и обряды); 4) *праздникъ* Рождества Христова и Новаго года (описаніе обрядовъ, 20 колядокъ и 8 щедровокъ; колядки обильны апокрифическими чертами; кромѣ того приложено нѣсколько стихотворныхъ пожеланій здоровья и богатства); 5) *масляница и великій постъ* (4 стиха о св. Петрѣ и Павлѣ, св. Алексѣѣ и св. Варварѣ); 6) *Свѣтлый праздникъ*, замѣтка о пѣсняхъ веснянкахъ, 4 весеннихъ *иры* (жена, зайчикъ, нелюбъ и кривой танецъ) и 18 *веснянокъ*, *навскій тыждень*, *день св. Георгія* и *русальный тыждень*; 7) купальскіе *обряды и пѣсни* (38); 8) *обжинки* (12 пѣсень) и осенніе праздники (Спаса, Маковея, Катерины, Андрея); 9) *дѣтскія иры* (6 и 3 дѣтскихъ пѣсни); 10) *демонологія* (вѣдьмы, самоубійцы и упыри); 11) *колдовство* (уроки, чары, ворожба); 12) *повѣрья и предразсудки* (относящіяся къ дому, печенію хлѣба, скоту, земледѣльческимъ работъ, разныхъ болѣзней); 13) *мировоззрѣніе* (мнѣнія о явленіяхъ природы, о великанахъ и о животныхъ); 14) *загадки* (107).

Наибольшій интересъ по обилію фактовъ представляютъ данныя о народныхъ повѣрьяхъ о болѣзняхъ (207—216).

Вообще, сборники г-жи Рокоссовской, по обилію матеріала, принадлежатъ къ сравнительно довольно крупнымъ въ малорусскомъ отдѣлѣ польской этнографической литературы.

Къ ряду сгруппируемъ здѣсь еще нѣсколько описаній малорусскихъ свадебъ, составленныхъ польскими писательницами, съ оговоркой; что всѣ эти описанія не имѣютъ крупнаго научнаго значенія, при существованіи въ печати громаднаго однороднаго матеріала.

Г-жа Томашевская. 1) *Obryzędy weselne ludu ruskiego we wsi Cetuli w pow. Jaroslawskim*, въ X т. *Zbiór wiadom. do antrop. kraj.* 1886, 55—75. Въ с. Цегулѣ живутъ малороссы и поляки; записанныя г-жею Т. пѣсни заключаютъ кое-какія особенности польской рѣчи. Въ сборникѣ 67 свадебныхъ пѣсень, ко-

ротенькихъ и большею частью извѣстныхъ. Много пѣсенъ относится къ обрядовому печенію коровая и къ вѣнку невѣсты.

2) *Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Winnikach pow. Drohobuskiego*, въ *Zbiór wiadom. do antrop. kraj.* 1888 XII 60—80. Описаны подробно мѣстные свадебные обычаи и приведена 71 пѣсня. Между тѣми и другими попадаются любопытныя черты, напр.: обычай наклеивать на стѣнѣ за головами молодыхъ на свадьбѣ по зажженной восковой свѣчѣ, оригинальная пѣсенка при обсыпаніи молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ: „сій, маты, пшеницу по гори, по долини“, сближеніе вѣнка съ солнцемъ въ пѣснѣ: „хороше соненько сіяе; на Касунунци, на молоденьци зеленый вѣнокъ сіяе“ (65).

Г-жа Шаблевская. *Wesele i krzywy taniec u ludu ruskiego w okolicy Zbarażu*, въ XII т. *Zbiór wiadom. do antrop. krajow.* 1883, 120—135. Описаніе свадьбы распадается по слѣд. главамъ: любовь и заручины, уговоръ, печеніе коровая, созывъ гостей, расплетеніе косы молодой и благословеніе ее, предсвадебная вечеринка, вѣнчаніе, очепины и подарки. При описаніи свадебныхъ обрядовъ приложено 24 свадебныхъ пѣсни, большею частью извѣстныхъ. Описаніе игры въ *кривой танецъ* снабжено 12 пѣснями, изъ коихъ три польскія.

Г-жа Малиновская. *Obrzędy weselne ludu ruskiego we wsi Kudycowcach pow. Żłoczowskim*, въ XII т. „*Zbiór wiadom. do antrop. kraj.*“ 1883, стр. 244—264. Описаніе свадебныхъ обрядовъ въ селѣ Кудиновкѣ, безъ указаній на литературу предмета. Всѣхъ пѣсенъ 74, и всѣ онѣ извѣстны изъ другихъ сборниковъ. Любопытны лишь кое-какія отдѣльныя слова, напр.: коникъ пущенъ въ „пастивникъ“ (старинное слово), невѣста „целехатая“ и др.

Г-жа Стадницкая. *Piesni i obrzędy ludu ruskiego z okolic Niemirowa na Podolu*, въ *Zbiór wiadom.* 1888 XII 103—117. Здѣсь приведены 44 свадебныя пѣсни, извѣстныя уже въ печати по другимъ сборникамъ. Упоминается про печеніе коровая, гильце и нѣкот. др. обряды.

Г-жа Ванке (Анна) въ XIII т. *Zbiór wiadomości* помѣстила небольшой сборникъ галагивокъ, или игръ во время свѣтлаго праздника у русиновъ перемышльскаго повѣта.

Г-жа Ропшевичъ и г. Франко въ X т. Zbiąg издали небольшой сборникъ обрядовъ и пѣсенъ м. Лолына Стрыйскаго повѣта. Въ началѣ находятся краткія сообщенія объ экономическомъ бытѣ лолынянъ (бѣдное горское поселеніе съ курными избами), затѣмъ приведено описаніе мѣстной свадьбы (181 пѣсня) съ указаніемъ на варианты въ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго.

Г. Нейманъ редактировалъ „*Materiały etnograficzne z okolic Piaskowa*“ (липовец. у. кiev. губ.), собранные г-жей Z. D. и напечатанные въ VIII т. Zbiąg wiadomości (115—246).

Въ началѣ сборника (115—121) въ видѣ введенія къ нему находятся краткія замѣтки о мѣстности и населеніи с. Плискова, одеждѣ, домашней обстановкѣ, повѣрьяхъ о данѣхъ и мѣстномъ говорѣ (17 замѣтокъ о фонетикѣ). Самый сборникъ состоитъ изъ довольно обширнаго отдѣла пѣсенъ (121—234) и маленькаго отдѣла сказокъ (234—245). Въ концѣ сборника помѣщено 18 проклятій.

Малорусскія пѣсни въ сборникѣ г-жи Z. D. распадаются на пѣсни свадебныя, бытовыя, историческія, чумацкія, балладныя и любовныя. Пѣсни записаны въ лѣтнее время 1883 года и потому зимнихъ, весеннихъ и осеннихъ обрядныхъ пѣсенъ въ сборникѣ очень мало (двѣ колядки, одна великопостная). Г-жа Z. D., какъ дама, записывала почти исключительно отъ женщинъ, и потому въ ея сборникѣ много пѣсенъ любовныхъ и свадебныхъ и весьма мало пѣсенъ историческихъ, чумацкихъ, рекрутскихъ, вообще мужскихъ пѣсенъ.

Г. Нейманъ со вниманіемъ редактировалъ сборникъ. Многія бытовыя пѣсни и всѣ пѣсни балладныя онъ снабдилъ указаніемъ стихотворнаго размѣра, по формулѣ, предложенной А. А. Потебней. Кромѣ того, подъ многими пѣснями показаны варианты въ сборникахъ Антоновича и Драгоманова, Чубинскаго, Рокоссовской, Головацкаго, Кольберга, Якушкина, Шенна и Эрбена. При двухъ-трехъ пѣсняхъ находятся интересныя литературныя комментаріи г. Неймана. При 17 пѣсняхъ помѣщены мелодіи, записанныя специально для этого сборника извѣстнымъ знатокомъ малорусской музыки г. Лысенкомъ. Мѣстами (напр. на стр.

143, 154) обнаруживается увлеченіе г. Неймана мнѣологическими предположеніями (въ христіанскихъ колядкахъ усматриваются „сечу starożytniej pieśni pąganskiej“).

Свадебные обряды и пѣсни (76 №№) немногое приближаютъ къ сборникамъ Чубинскаго и Мошинской. Замѣтно, что обрядность ослабѣла, особенно въ первые дни свадьбы. Для соблюденія старой обрядности нѣтъ ни досуга, ни средствъ. Пѣсни и обряды записаны по слѣдующимъ рубрикамъ: 1) суббота (коровой, гильце, расплетаніе косы), 2) воскресенье (отправленіе въ вѣнцу и возвращеніе изъ церкви, очепины, отъѣздъ въ домъ мужа) и 3) понедѣльникъ (похвалы и одариваніе молодой).

Пѣсенъ обрядныхъ и годовыхъ, какъ сказано, мало, и пѣсни не важныя, 2 колядки, 2 щедровки (шутливья), великопостная (пѣсня про Алексѣя, челоуѣка Божія), 5 пасхальныхъ (игорныя: въ Шельмана, въ зайца, въ жену стараго мужа) и 17 купальскихъ (изъ нихъ двѣ скабрѣзныхъ подъ №№ 99 и 102).

Въ отдѣлѣ бытовыхъ пѣсенъ вошла одна дожиночная, три рекрутскихъ (вар. Чуб. V 64, 82, 84, 312), двѣ бурлацкихъ, 5 чумацкихъ, три козацкихъ (общаго содержанія, вар. Чуб. V 44, 87, 90, 239).

Въ отдѣлѣ историческихъ пѣсенъ: „Ой була у Польши воля“ (согласное житіе козака съ крымскими татарами), „Ой на гори та женци жнуть“ (вар. Чуб. V 45), о Нечаѣ (у Ант. и Драг. 38 вариантовъ), о Палиѣ (турки поймали П. и ведутъ на висѣлицу), о Бондаривнѣ (вар. у Чуб., Закревскаго, Кольберга и Рокоссовской ср. Шейна, Мат.—579). Редакція (т. е. Коперницкій) прибавилъ двѣ краткихъ историческихъ пѣсни съ нотами, одна о Костюшеѣ и Потоцкомъ сомнительнаго происхожденія, другая (изъ Полтав. губ.) также о Костюшеѣ, („Чи я жъ тебе, пане Костюшею, та й не говорила, ой не займай Москаливъ, то не наша сыла“). Въ сборникахъ малор. пѣсенъ, изданныхъ въ Россіи, имени Костюшки, кажется, не встрѣчается.

Отдѣлѣ балладныхъ пѣсенъ—лучшій въ сборникѣ не по полнотѣ, у Чубинскаго такихъ пѣсенъ болѣе, а по указанію вариантовъ въ другихъ сборникахъ. Нельзя сказать, чтобы

указанія эти были многочисленны, но все таки и данныхъ нельзя не признать полезными въ виду особеннаго интереса, представляемаго балладными пѣснями. Въ этотъ отдѣлъ вошли: „*Ой у вдовы ажъ три дочки*“ (и три сына, сыновья пошли въ разбойники, меньшая сестра попала въ нимъ, и чуть не была изнасилована: вар. указаны у Чуб. V 479, Кольберга II 32, 33, (чешскій у Эрбена 483). „*Тамъ де Дунай мьбокій*“ (о кровосмѣшеніи матери съ сыномъ и ея дочери съ братомъ, вар. указаны г. Нейманомъ у Чуб. V 407, 458, 485, Головац. I 45, 73, II 577; Кольберга-польскіе I 217, въ Рокисіе II 29, 35, Ант. и Драг. 275, Шейна-бѣлорус. 143), „*А маты сына послала въ дороу*“ (проклятая свекровью невѣстка обращается въ тополь; указаны вар. у Чуб. V 308; Кольб. II 45, Голов. I 712, Рокоссовской 1, Якушк. 22 и Эрбена 466), „*Ой жила вдова на край села*“ (мать отравила сына и невѣстку; вар. у Чуб. V 310, Гал. I 81, 186, II 578, 585, 711 и Кольб. II 48), „*Ой Свербыно*“ (дѣвушка по совѣту парубка, отравляетъ брата; варианты см. въ моей статьѣ о Поповскомъ), „*Туманъ яромъ покотывся*“ (отецъ изгоняетъ сына; вар. у Закрев., Чуб. V 442, 460, 477, Голов. II 55, 585, Якушк. 109), „*Ой въ недилу пораненку*“ (мужъ, по совѣту любовницы, убиваетъ свою жену; вар. указаны, какъ и ранѣе, г. Нейманомъ у Чуб. V 236 и Кольб. II 313), „*Пиду я въ садокъ*“ (козакъ достаетъ вѣнокъ и утопаетъ; вар. у Чуб. III 115, Голов. I 97, II 592, 705, Якушк. 102, 176), „*Ой любилося двое*“ (умерли въ одно время, вар. у Кольберга въ Рокисіе II 65 и *zud* I 11) „*Ой у поли коршмоныка*“ и „*Ой въ мистечку на рыночку*“ (объ уводѣ и ограбленіи дѣвушки). Г. Нейманъ говоритъ въ примѣчаніяхъ, что двѣ послѣднихъ пѣсни встрѣчаются и у поляковъ въ подробныхъ вариантахъ, у малоруссовъ въ болѣе слабыхъ и совсѣмъ не встрѣчаются у великоруссовъ. По справкамъ г. Н., ея не оказалось въ сборникахъ Шейна, Якушкина и Кирѣевского. Сюжетъ пѣсни принадлежитъ къ числу широкораспространенныхъ балладныхъ мотивовъ и встрѣчается у многихъ народовъ. На эту тему подобрала обширная литература въ сборникѣ англійскихъ и шотландскихъ балладъ *Чайльда*.

Слѣдующіе три отдѣла заключаютъ въ себѣ пѣсни любовныя, семейно-родственныя, шутливыя, пьяницкія и тривіальныя. Большая часть—пѣсни любовныя (57 №№). Въ краткомъ предисловіи г. Н. говоритъ, что „любовь въ малорусской народной поэзіи болѣе глубока и болѣе идеальна, чѣмъ въ поэзіи другихъ славянскихъ народовъ... Въ сравненіи съ малорусской народной любовной пѣснею польская плоска и пошла, великорусская груба, иногда цинична“. Далѣе г. Н. отмѣчаетъ то обстоятельство, что радостныхъ любовныхъ пѣсень въ Малороссіи мало; большею частью въ нихъ звучитъ тихая грусть и мягкое мечтательное настроеніе. Въ заключеніе г. Н. даетъ такую высокую общую оцѣнку малорусской лирики: *Wysoko idealne uczucie, tkliwa gzewność, ruzzna obrazowość i samogodna głęboka starozytna symbolika padają pieśniom ruseńskim znamię oryginalne i podnoszą niektóre z nich do znaczenia arcydzieł lirycznych*“. Въ сборникѣ г-жи Z. D. находится 15 пѣсень о любви счастливой, 43 о несчастной, около 20 пѣсень о семейномъ положеніи мужа и жены, 19 пьяницкихъ и тривіальныхъ.

Сборникъ пѣсень оканчивается тремя „бесѣдами“, о которыхъ мы уже говорили въ статьѣ о г. Эварницкомъ, при разборѣ его „Присказки до нюхарей“.

Отдѣлъ сказокъ—краткій (26 №№), и сказки кратки, анекдотическаго характера:

1) *Цыганъ и дурный панъ*—цыганъ беретъ у пана зимой одежду и сани, послѣ того какъ панъ надѣлъ рыболовную сѣть, въ которой былъ цыганъ.

2) *Цыганъ и чорты*. Цыганъ видѣлъ, какъ черти въ одну ночь смолотили пану хлѣбъ, поджегши его, поступилъ такъ и попалъ въ тюрьму. Эта сказка чаще встрѣчается какъ легенда о Христѣ и солдатахъ.

3) *Сказка о цыгань*—тема игра словами, нѣсколько неясная.

4) *Жидъ чванливый*—хвалятся женѣ, какъ онъ бился съ мужикомъ (мужикъ билъ его люшней отъ воза, а онъ мужика ермошкой).

5) *Жидъ и коняка*—жидъ тянулъ возъ, чтобы лѣнивая лошады въ наказаніе шла пѣшкомъ.

6) *Жиды и мужикъ*. Жиды не хотѣли сойти съ воза при подьемѣ на гору. Козакъ сталъ ихъ бить, крикнувъ нарочно мужику, что мститъ ему за своихъ жидовъ, будто бы нѣкогда побитыхъ мужикомъ. Жиды поспѣшно сошли съ воза.

7) *Жидъ судився съ мужикомъ у пана* за деньги, которые мужикъ поднялъ, и оба были высѣчены.

8) *Жидъ и разбойники*. Жидъ, боясь разбойниковъ, спрятался въ мѣшеѣ, когда ѣхалъ лѣсомъ, и кучеръ его прибилъ, притворно переговариваясь съ разбойниками.

9) *Шинкаръ и мужикъ*. Мужикъ заложилъ шинкарю коужу за рубль и, по обману, отдалъ шинкарю этотъ рубль.

10) *Про стару бабу, що замужъ хтила* и 14) *Якъ баба за парубка замужъ тшила*—варианты сказокъ, извѣстныхъ по сборникамъ Манжуры и Мошинской. Въ обѣихъ сказкахъ баба обманута парубкомъ.

11) *Жинка хозыяка* совѣтуетъ мужу украсть у пана пшеницы, а спечь хлѣба не умѣетъ.

12) *Якъ жинка пекла боця*—вариантъ сказки у Манжуры.

13) *Жинка безъ сорочки*—лѣнивая спалила свою сорочку въ ожиданіи, что мужъ привезетъ съ ярмарки новую.

14) *Баба и кувшинъ молока*. Баба мечтала, что изъ занятаго кувшинчика молока соберетъ и продастъ масло, купить курицу, продастъ курицу, купить кабана и т. д. до предположенія, что она поѣдетъ на своихъ бычвахъ на ярмарокъ и толкнетъ ногой, кто будетъ проситься къ ней подвезти; при этомъ она толкнула ногой кувшинъ и разбила его. Подобная великорусская сказка у *Садовникова* („Мордвинъ и заяцъ“), болгарская въ *Сборн. за народ. умотворенія* 1891 г. VI 126.

15) *Дидъ, баба, дивка и сучка* не хотѣли работать, зимой въ нуждѣ стали собирать колоски по полю въ снѣгу; панъ побѣщаль дать хлѣба; но они захотѣли еще молотаго и не получили нивакого. Здѣсь любопытна одна черта: собираніе колосковъ, какъ знакъ бѣдности, встрѣчается въ *книжъ Руевъ*, въ малорусской сказкѣ у *Манжуры* 52, греческой у *Гана* II 67.

16) *Льнивая кума* отказалась кумѣ нажать жита, и потомъ послѣдняя отказывается ей въ хлѣбѣ.

17) *Дидь, баба и дивка едыныця*. Пришли сваты. Мать и дочь, а потомъ и отецъ заспорили, кого брать въ кумовья, когда родится ребенокъ. Сваты подумали, что дочь собирается родить и поспѣшили уйти.

18) *Баба жебрушча* посовѣтовала сварливой женѣ брать воду въ ротъ, чтобы мужъ не билъ ее, и супруги стали жить согласно.

19) *Кума пидперезана* — голая, куму стало стыдно; онъ сталъ говорить ей про голую куму и получилъ въ отвѣтъ, что та безъ стыда, а она хотя пидпоясалась.

20) *Вода зъ ледомъ*. Панъ въ Петривку спросилъ у бабы воды со льдомъ; баба сказала, чтобы спросилъ зимой; тогда у ней и свиньи пьютъ воду со льдомъ.

Г. Нейману кромѣ того принадлежитъ еще статья о пѣсенныхъ размѣрахъ и нѣсколько библиографическихъ статей въ *Кіевск. Старинѣ* (см. по „Указателю къ *Кіевск. Стар.*“ 1893 г. стр. 100) и статья о малорусскихъ думахъ въ „*Ateneum*“ 1885 года.

Драгомановъ
М. Т—въ. К. Г.

(Дополненіе въ статьѣ о П. Кузьмичевскомъ).

См. стр. 251

Не касаясь мелкихъ этнографическихъ замѣтокъ, подписанныхъ разными инициалами, отмѣтимъ изъ круга этой почти анонимной литературы лишь нѣсколько наиболее крупныхъ по величинѣ и наиболее цѣнныхъ по содержанию статей въ „*Кіевск. Старинѣ*“ и въ „*Вѣстникѣ Европы*“ за подписями М. Т—въ и К. Г. Такъ какъ П. Кузьмичевскій однажды полемизировалъ, защищая одно положеніе, высказанное въ этихъ статьяхъ, причѣмъ и статьи за подписью собственно Кузьмичевского обнаруживаютъ большое сходство съ приемами М. Т—ва и К. Г—а, то по существу дѣла представляется вполне возможнымъ объединить этихъ авторовъ въ одномъ лицѣ и настоящую статью разсматривать, какъ прямое продолженіе предыдущей статьи о Кузьмичевскомъ.

Въ XI кн. „Кіевск. Стар.“ 1892 г. (стр. 229) г. М. Т—въ говоритъ: „страстный любитель отечественной этнографіи, авторъ имѣеть довольно большое количество украинскаго этнографическаго матеріала, который, конечно, онъ желалъ бы издать въ систематическомъ видѣ сводовъ съ объясненіями. Но для такихъ изданій, во-первыхъ, нужны средства, которыя могли бы доставить только правильно организованныя ученые общества, какихъ не достаетъ нашей родинѣ, на манеръ академій и западно-славянскихъ матицъ. А кромѣ того, для самого приготовленія такихъ изданій, если бы даже у извѣстныхъ индивидуумовъ хватило запаса хохлацкаго упрямства, чтобы производить труды, которые, Богъ вѣсть, сколько могутъ пролежать „въ портфель автора“, необходимы полныя ученые пособія, богатая бібліотека, тѣмъ болѣе, что въ виду направленія сравнительно историческаго, какое теперь приняла наука о такъ называемомъ народномъ бытѣ и словѣ въ западной Европѣ, нѣсколько стыдно выпускать такія изданія, каковы даже лучшіе этнографическіе труды, выходящіе въ Россіи, т. е. ограничиваться почти однимъ опубликованіемъ сырого матеріала безъ комментаріевъ или съ комментаріями, вдохновенными одною теплотою національнаго чувства или мудрованіями домашняго народничества. Но надобно быть особеннымъ счастливецемъ, чтобы имѣть подъ рукою нужныя пособія, такъ такъ ихъ въ должной полнотѣ не даютъ не только бібліотеки русскихъ провинціальныхъ городовъ, вдобавокъ доступныя только профессорамъ, но даже столичныя. При настоящемъ положеніи вещей полныя и достойныя требованія времени изданія нашего этнографическаго матеріала могутъ сдѣлать только люди, имѣющіе возможность пользоваться бібліотеками въ Россіи, въ западной Славянщинѣ и въ Германіи, съ прибавленіемъ Парижа и Лондона“. Авторъ, какъ можно убѣдиться изъ позднѣйшихъ его изслѣдованій, широко воспользовался и русскими изданіями, даже мелкими, провинціальными, напр., Харьковскими Сборниками при календарѣ (ссылки въ статьѣ о сказаніяхъ о пожертвованіи собственнаго ребенка), и западно-европейскими бібліотеками, даже такими рѣдкими и малоизвѣстными, какъ частная бібліотека де-Губернатиса по русскому фольклору.

Въ „Кіев. Старинѣ“, 1882 г. XI и 1883 XII г. М. Т—въ напечаталъ четыре статьи подъ общимъ заглавіемъ „*Матеріалы и замѣтки объ украинской народной словесности*“, именно:

1) *Пѣсня о взятіи Азова*: „Ой що то за крычекъ, що по морю литає“, извѣстная по сборнику чумацкихъ пѣсенъ г. Рудченка. На полутораста возахъ скрыты молодцы, по семи на каждомъ. Они вѣзжаютъ въ Азовъ купцами и берутъ его силой. Въ „Кіев. Старинѣ“ были уже двѣ статьи объ этой пѣснѣ: Г. Стояновъ относилъ ее ко взятію Торческа въ XI вѣкѣ; Новицкій—ко взятію Азова донцами и запорожцами въ 1637 году; М. Т—въ предполагаетъ существованіе въ Донской области устныхъ и письменныхъ вариантовъ исторіи о взятіи Азова, каковыя варианты должны были пустить отъ себя великорусскую пѣсню, которая уже зашла и въ украинскую среду, гдѣ и приняла видъ украинскихъ вариантовъ, намъ теперь извѣстныхъ. При этомъ высказано пожеланіе, чтобы была изучена устная словесность донскихъ козаковъ, которая могла служить передаточнымъ пунктамъ при переходѣ великорусскихъ пѣсенъ къ малороссамъ. Это желаніе тѣмъ же авторомъ повторено черезъ 10 лѣтъ въ 1892 году въ статьѣ о сказаніяхъ и пѣсняхъ Эдиповскаго типа. Нельзя не признать научную основательность такого желанія. Въ послѣднее время издано много пѣсенъ, подтверждающихъ мнѣніе автора о переходѣ великорусскихъ донскихъ пѣсенъ къ малороссамъ, причемъ такія заимствованныя пѣсни встрѣчаются и въ Екатеринославщинѣ, какъ видно изъ пѣсни про набѣгъ орды, напечатанной *Я. П. Новицкимъ* въ 53 № Екатериносл. Губ. Вѣд. 1888 года, и въ юго-западномъ краѣ, какъ видно изъ малорусскихъ пѣсенъ въ сборникѣ *Б. Поповскаго* въ VIII т. „*Zbiór wiadomości do antrop. kraj.*“ На далекой малорусской западъ донскія пѣсни заходили, вѣроятно, вмѣстѣ съ казацкими полками, при долгомъ ихъ постоѣ въ пограничныхъ мѣстахъ. Въ концѣ статьи г. М. Т—въ высказываетъ основательное предположеніе, что основной мотивъ пѣсни принадлежитъ къ числу бродячихъ сказаній.

Исторія о взятіи города въ сущности старая исторія Энея коня въ Троѣ. Авторъ въ общихъ чертахъ указываетъ на сходныя пѣсни французскую и голштинскую.

2) *Стенька Разинъ—козакъ Гарасимъ*. Великорусская пѣсня о Ст. Разинѣ „Какъ въ славномъ городѣ въ Астрахани“ занесена въ Украину. Въ статьѣ отмѣчено двѣ украинскіихъ передѣлки, одна прозаическая съ немного измѣненными пѣсенными великорусскими вставками, другая—стихотворная, болѣе краткая, болѣе чистая по малорусскому языку. Въ первой передѣлкѣ имя Стеньки Разина передѣлано въ Герасима по созвучію. Содержаніе пѣсенъ: Губернаторъ садитъ въ тюрьму буйнаго молодца Герасимова сына. Онъ идетъ весело въ тюрьму, зная, что вскорѣ отецъ освободитъ его и разнесетъ тюрьму.

3) *Къ вопросу о вертепной комедіи на Украинѣ*.—Небольшая замѣтка, съ цѣнными указаніями на западноевропейскую научную литературу о мистеріяхъ (на сочиненія Куссемакера, Вейнгольда, Шреера и др.). Указаны и польскія шопки или ясельки (у Кольберга). Авторъ отмѣчаетъ нѣсколько газетныхъ извѣстій о томъ, что вертепная драма существуетъ еще въ Малороссіи и Бѣлороссіи, и высказываетъ желаніе, чтобы остатки ея были записаны, пока не погибли. Эта замѣтка представляетъ полезное дополненіе къ довольно многочисленнымъ замѣткамъ и статьямъ о „малорусской вертепной драмѣ, напечатаннымъ въ „Кіевской Старинѣ“ (Н. И. Петрова, Галагана, А. Ѳ. Селиванова, О. Пч.). Въ послѣднее время издано нѣсколько описаній польской шопки (напр. въ „Вислѣ“ 1888 года). Кругъ для сравненій и изученій вертепной драмы расширился. Надо желать, говоритъ авторъ статьи,—и съ этимъ мы вполне согласимся,—тщательныхъ поисковъ за остатками стариннаго религіознаго театра въ рукописяхъ и въ устномъ преданіи въ области Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Украины. Равнымъ образомъ желательны подобныя поиски за виршами и духовными стихами вообще: рождественскими, пасхальными и т. п., такъ какъ эти вещи на западѣ имѣютъ тѣснѣйшую прикосновенность къ религіозному театру, что замѣчается и на соотвѣтственныхъ примѣрахъ, извѣстныхъ въ письменности украинской и бѣлорусской. Наконецъ, даже въ видахъ руководства при собираніи названнаго матеріала, желательно уже и теперь сравненіе извѣстныхъ списковъ украинской старинной драматической литературы съ поль-

скими и западными, а между послѣдними, конечно, прежде всего съ латинскими, французскими (тѣ и другіе—первообразы нѣмецкихъ) и съ нѣмецкими... Только такое сравненіе открыло-бы намъ, что собственно оригинальнаго имѣемъ мы въ нашемъ рождественскомъ театрѣ, въ томъ числѣ даже въ бытовыхъ его частяхъ“.

4) *Песоголовцы въ украинской народной словесности.*—Небольшая статья по поводу замѣтки Десятина въ „Радѣ“ о песоголовцахъ, какъ олицетвореніи татаръ. Авторъ основательно указываетъ на литературные источники повѣрья о песоголовцахъ, именно, на сказанія объ Александрѣ Македонскомъ и старинныя космографіи, и замѣчаетъ при этомъ, что „весьма многое, что мы находимъ теперь въ сферѣ неграмотнаго населенія, есть продуктъ не мѣстный и не народный, а общій всѣмъ народамъ историческимъ, продуктъ культурный“. Замѣчаніе это направлено противъ „субъективнаго народничества“. Въ русской научной литературѣ есть спеціальное изслѣдованіе о песоголовцахъ, вышедшее уже послѣ замѣтки г. Т—ва, статья акад. *Веселовскаю* въ Журн. М. Н. Пр. ССХLI окт. 189.

Въ 1883 г. г. Т—въ сообщилъ редакціи „Кіевской Стар.“ списокъ *двухъ южно-русскихъ интермедій начала XVII в. (1619 г.)*, сдѣланный извѣстнымъ польскимъ писателемъ Крашевскимъ изъ одной весьма рѣдкой старопечатной книги „*Tragaedia albo wizerunek smięci przesw. Chrzciciela*“... Интермедіи помѣщены въ приложеніяхъ, съ поясненіемъ, что онѣ написаны бакалавромъ философіи жителемъ г. Львова Яковомъ Гаваттовичемъ. Интермедіи были напечатаны въ 12 кн. „Кіев. Стар.“ 1883 г., съ замѣчаніемъ редакціи (Θ. Г. Лебединцева) что въ интермедіяхъ Гаваттовича „ярко выступаетъ народное міросозерцаніе и бытовые черты своего времени“. Въ опроверженіе этого мнѣнія Лебединцева Кузьмичевскій въ XI кн. „Кіев. Стар.“ 1885 г. помѣстилъ обширную статью: „*Старѣйшія русскія драматическія сцены*“. Въ первой интермедіи одинъ бѣдный крестьянинъ Климко обманулъ богатаго крестьянина Стецька, продалъ ему кота въ мѣшкѣ (вмѣсто лисицы), и потомъ, переодѣвшись въ другое платье, обманываетъ его вторично, заставивъ побить собственные горшки

(накрылъ ихъ и сказалъ, что это лежитъ обманщикъ). Во второй интермедіи три голодныхъ крестьянина находятъ пирогъ и рѣшаютъ присудить пирогъ тому, кто увидитъ лучший сонъ. Одному приснился рай, другому—адъ, а третій, не спавши, съѣлъ пирогъ и оправдывался тѣмъ, что будто видѣлъ во снѣ ангела, который сказалъ, что его товарищи не возвратятся изъ рая и ада и оставляютъ ему пирогъ. Для первой интермедіи Гаваттовича, по мнѣнію г. К., предкомъ является нѣмецкая книга начала XVI вѣка о похожденияхъ остряка Уленшпигеля или Евленшпигеля. Это сводъ анекдотовъ, составленный Мурнеромъ въ 1519 году. Здѣсь находятся два разсказа объ обманѣ посредствомъ вота и о битвѣ горшковъ, каковыя разсказы соединены въ одно цѣлое въ первой интермедіи Гаваттовича. Книга объ Уленшпигелѣ была переведена и на польскій языкъ въ концѣ XVI или въ началѣ XVII вѣка подъ заглавіемъ *Sowezrzał* (*Eule—сова, Spiegel—зеркало, swierzadło zgzadło,*) а въ концѣ XVIII вѣка (1791 и 1792) и на русскій языкъ (Похожденія шута Со-вѣст—Драла). Въ интермедію Г. анекдотъ попалъ, вѣроятно, непосредственно изъ нѣмецкаго источника. Вторая интермедія Г. имѣетъ родственную малорусскую сказку (напр. у Аванасьева), а источникомъ одну изъ западно-европейскихъ сказокъ, можетъ быть, повѣсть въ *Gesta Romanorum*—сборникѣ XIII вѣка странствующихъ сказаній; въ послѣдній сборникъ разсказъ о лучшемъ снѣ вошелъ изъ *Disciplina clericalis* крещеннаго испанскаго еврея начала XII вѣка, Петра Альфонса, гдѣ соревнованіе о лучшемъ снѣ идетъ между двумя горожанами и однимъ поселениномъ, которые шли вмѣстѣ въ Мекку. Мѣсто дѣйствія переносится въ мусульманскую среду, что указываетъ отчасти и на мусульманскій источникъ. Далѣе авторъ указываетъ на арабскій и еврейскій варианты разсказа о лучшемъ снѣ и переводитъ такимъ образомъ изслѣдованіе на почву арабско-еврейскую. На этомъ собственно и заканчивается вѣская часть изслѣдованія. Авторъ по слѣдамъ Бенфея идетъ еще далѣе на востокъ, въ Индію, указываетъ на нѣкоторые разсказы въ Панчатантрѣ, Синдибадъ - Наме, Аваданахъ, но эти указанія ничего не прибавляютъ въ литературной исторіи разсказа о лучшемъ снѣ, такъ

какъ индійскіе рассказы по мотивамъ и моральнымъ особенностямъ сильно отличаются отъ еврейско-арабскихъ и западноевропейскихъ вариантовъ сказанія о лучшемъ снѣ. Въ индійскихъ рассказахъ есть только одна сходная черта—три спутника, но и эти спутники животныя. Къ интермедіи Г. и малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ близко стоятъ приведенныя К.—имъ одна итальянская новелла Джиральди Чинтіо († 1573 г.) и народная сицилійская сказка. У Чинтіо состязаются изъ-за пирога три лица (философъ, астрологъ и солдатъ), какъ въ интермедіи Гаваттовича, въ сицилійской сказкѣ два лица (монахъ и послушникъ), какъ въ малорусской сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. „Объ украинскомъ устномъ рассказѣ (о лучшемъ снѣ), по словамъ К., можно сказать, не боясь укора въ пристрастіи, что онъ при сравненіи съ другими, даже итальянскими, отличается особенной живостью изложенія и реалистическимъ пошибомъ, видимымъ въ желаніи представить этнографическія черты дѣйствующихъ лицъ, особенно цыгана“ (срав. въ сбор. *Романова* III, 429).

Статья написана съ большою эрудиціей и изобилуетъ цѣнными сопоставленіями. Открывая обширную историческую перспективу, статья при всемъ томъ не можетъ вполне устранить высказаннаго Ѳ. Г. Лебединцевымъ замѣчанія, что въ интермедіяхъ Гаваттовича обнаруживаются бытовые народныя черты, напр., въ описаніи меню обѣда въ царствіи небесномъ. Несомнѣнными чертами малорусской народности обнаруживаются и въ сказкѣ о хохлѣ и цыганѣ. Очевидно, что сильное въ XVI—XVII ст. народное начало успѣло овладѣть и подчинить себѣ странствующій литературный мотивъ.

Въ половинѣ 80-хъ годовъ въ одномъ галицко-русскомъ литературномъ альманахѣ нашла мѣсто небольшая (въ 6 стр.), но цѣнная статья „Изъ исторіи вирши на Украинѣ“. Авторъ раздѣляетъ малорусскія вирши на политическія (точнѣе было бы назвать ихъ историческими) и церковныя. Политическія вирши, каковыя напечатаны въ концѣ „Историч. пѣс.“ Антоновича и Драгоманова и въ „Архивѣ“ Ягича II, 297), отличаются реализмомъ, національной окраской по языку и содержанію и вѣрно передаютъ взгляды нашихъ предковъ на современныя имъ исто-

рическія событія. Въ церковныхъ виршахъ обнаруживается западное латинское вліаніе. Авторъ остроумно замѣчаетъ, что нѣкоторыя малорусскія вирши напоминають драматическую форму и представляются обломками или передѣлками церковныхъ драмъ или мистерій, если не нашихъ украинскихъ, то мистерій близкихъ сосѣднимъ народамъ. При этомъ авторъ перепечатываетъ изъ іюньской книжки „Основы“ 1862 г. „Пасхальную виршу“ о томъ, какъ Люциферъ подружился въ аду съ Іудой, какъ сошелъ въ адъ Христосъ и освободилъ грѣшниковъ, оставилъ въ аду только Соломона и Каина, причемъ Люциферъ, опасаясь, чтобы Христосъ не пришелъ вторично въ адъ за Соломономъ, выгналъ Соломона изъ ада. Въ этой виршѣ много юмора, много мѣткихъ народныхъ выраженій. Вирша обширная, въ 118 стиховъ. Авторъ указываетъ далѣе, что содержаніе вирши построено на апокрифическомъ евангеліи Ниводима, но ближайшимъ источникомъ вирши была нѣмецкая пасхальная драма. Для объясненія вирши г. Д. приводитъ одно мѣсто нѣмецкой драмы XIV столѣтія о сошествіи Спасителя въ адъ. Украинская вирша обращается съ религиознымъ сюжетомъ съ бѣльшей свободой и бѣльшей фамиллярностью, чѣмъ ея нѣмецкій прототипъ. Мотивъ объ изгнаніи изъ ада Соломона съ небольшими измѣненіями (вмѣсто Соломона священникъ) повторяется въ нѣмецкой драмѣ „Christi Anferstehung“ по рукописи 1464 г.

Въ VII книгѣ „Вѣстника Европы“ 1887 г. помѣщена интересная статья г. К. Г. „*Два малороссійскіихъ фабльо и ихъ источники*“ (очеркъ изъ исторіи всеобщей сравнительной литературы). Подъ словомъ „fableau“ извѣстны старофранцузскія стихотворныя повѣсти небольшого объема и шутливаго юмористическаго содержанія. Такой именно характеръ имѣють нѣкоторыя малорусскіе анекдоты и сказки юмористическаго содержанія, изложенныя въ стихотворной формѣ или прозой въ перемежку со стихами, между прочимъ, вирша о богатомъ мужикѣ Гаврилѣ (въ сборн. Драгоманова 150—154) и вирша про бѣднаго мужика Кирика (въ Зап. о Южной Руси, Кулиша) II, 83).

Вирша о Гаврилѣ или о похоронахъ собаки, грубая по содержанію, не подлежитъ сословному или мѣстному приуроче-

нію, вакъ разсказъ бродячій, странствующій, встрѣчающійся у народовъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей. Съ виршей о Гаврилѣ, записанной въ каневскомъ уѣздѣ, кievской губерніи, сходна галицко-русская сказка въ сборникѣ Садока Боронча, фавль о завѣщаніи осла—сочиненіе французскаго писателя XIII вѣка Рютбефа, фацеція (шутливый анекдотъ) италіанскаго писателя XV вѣка, Поджіо Браччіолини, далѣе сказки въ сборникѣ французскихъ повѣстей *Cent nouvelles nouvelles* (сто новыхъ повѣстей) XV вѣка, у турецкаго поэта XVI вѣка, Ламаа († 1531), въ Жильблазѣ Лесажа (1715 г.), въ сборникѣ нѣмецкихъ разсказовъ соч. Іог. Паули „*Schimpf und Ernst*“ XVI вѣка, въ руководствѣ къ проповѣдямъ Пельбарта 1507 года, вышедшемъ въ Венгріи, въ двухъ великорусскихъ сказкахъ, вышедшихъ въ 1 т. „Криптадіа“ (1883). Изъ этого сухого указанія на приведенныя авторомъ литературныя параллели уже видно, какъ широко и разносторонне трактуется тема изслѣдованій. Въ этихъ параллеляхъ отрывается несомнѣнно весьма близкое, такъ сказать, кровное родство малорусскихъ и великорусскихъ сказокъ о жадномъ попѣ съ западноевропейскими ихъ оригиналами. Присутствіе основныхъ мотивовъ малорусской вирши о Гаврилѣ у Рютбефа, Поджіо, Паули и Пельбарта въ фавль, фацеціяхъ и проповѣдяхъ служитъ достаточнымъ общимъ указателемъ, откуда разсказъ о жадномъ попѣ проникъ въ Россію. Авторъ статьи высказываетъ весьма вѣроятную гипотезу, что разсказы на изложенную выше тему изъ Германіи, гдѣ книги Пельбарта и Паули были весьма популярны, перешли въ Галичину и въ Великороссію, вмѣстѣ со многими подобными произведеніями, лубочными картинками и т. п. Украинская вирша, нашедшая мѣсто въ сводѣ Драгоманова, первой своей половиной (разсказъ о собакѣ) примыкаетъ къ вариантамъ Паули и Пельбарта, а второй (разсказъ о козлѣ) выдается изъ ряда подобныхъ восточныхъ и западныхъ фавль, сходясь лишь съ одной великорусской сказкой. При этомъ авторъ замѣчаетъ, что нѣкоторые великоруссизмы въ языкѣ украинской вирши о мужикѣ Гаврилѣ, а также указаніе въ концѣ вирши на куреніе и нюханіе табаку, какъ на дѣйствія предосудительныя, даютъ основаніе предполагать существованіе

великорусской раскольнической редакціи, средней между великорусскими сказками и малорусской виршей. Авторъ въ одномъ мѣстѣ статьи дѣлаетъ попытку опредѣлить родину разсказа и предлагаетъ по этому поводу шаткую гипотезу, которую мы здѣсь отмѣтимъ вкратцѣ, за неимѣніемъ въ научной литературѣ другой. Возводя малорусскій вариантъ къ великорусскому, великорусскій къ западноевропейскимъ, послѣдніе къ мусульманскимъ сказаніямъ о продажности судей, авторъ, въ видѣ смѣлаго скачка въ отдаленную восточную древность, основу сказанія переноситъ въ домусульманскій Иранъ, когда собака была священнымъ животнымъ. Мусульманамъ, усвоившимъ отъ египтянъ отвращеніе къ собакамъ, староперсидское отношеніе къ собакамъ было омерзительно. По мнѣнію автора, анекдотъ возникъ еще въ первыя времена распространенія мусульманства въ Иранѣ (VIII—IX ст.). Нѣтъ надобности такъ далеко ходить на Востокъ за объясненіемъ анекдота. Иранскій культъ собаки не говоритъ въ пользу иранскаго происхожденія анекдота о собачьихъ похоронахъ, напротивъ, говоритъ противъ такого предположенія. Самыя мусульманскія сказанія о собачьихъ похоронахъ у Ламая и др., на нашъ взглядъ, слишкомъ блѣдны и малосодержательны сравнительно съ западноевропейскими, что даетъ поводъ видѣть въ нихъ не прототипы европейскихъ, а отраженія ихъ, слабыя отголоски и искаженія. Можно думать, что фавль о похоронахъ собаки или завѣщаніи осла возникло въ древности въ Италіи или скорѣе въ Провансѣ, въ свободной обстановкѣ провансальской жизни и провансальской литературы; отцомъ разсказа былъ, можетъ быть, самъ Рютбѣфъ, жившій въ Провансѣ, тѣмъ болѣе, что вообще сочиненія Рютбѣфа отличаются рѣзкой насмѣшкой надъ духовными и монахами; возможно, что разсказъ возникъ въ близкой къ Рютбѣфу сектантской альбигойской средѣ. Распространеніе разсказа обусловлено было внутренней его голью, бойкостью, игривой энергіей, причемъ распространителями могли быть не только сектанты-безпоповцы, но и люди вполне ортодоксальнаго образа мыслей, можетъ быть, даже сами духовные, изъ среды которыхъ вышло не мало сатирическихъ писателей. Извѣстно, что Паули и Рабле были монахи. Тоже повторалось и позднѣе.

Второе малорусское „фэбля“—разсказъ о челоуѣкѣ, которій, по совѣту жены, нарядился въ воловью шкуру съ рогами, чтобы отнять у мужика котелокъ съ деньгами (кладъ) и отнял его, но котелокъ присталъ къ его рукамъ, а шкура волосья къ тѣлу. Этотъ разсказъ у Кулиша переданъ въ стихотворной формѣ, у Чубинскаго въ близкой прозаической передачѣ. Кроме того, существуетъ въ рукописяхъ много вариантовъ этого анекдота. Еще въ началѣ текущаго столѣтїа анекдотъ этотъ циркулировалъ въ Великороссїи, и объ немъ упоминаетъ адмиралъ Шишковъ въ письмѣ къ императору Александру I и Завалишинъ въ воспоминавіяхъ своихъ о петербургскихъ легендахъ и событіяхъ 1825 года. Въ историко-литературномъ отношенїи этотъ анекдотъ темный. Указываемыя авторомъ литературныя параллели не даютъ объясненїя „эмбриологїи сатиры“. Такъ, первый параллельный мотивъ о прїобрѣтенїи бѣднякомъ (или дуракомъ) сокровища отъ разбойниковъ (изрѣдка отъ чертей) такимъ путемъ, что бѣднякъ, скрываясь на деревѣ, роняетъ на разбойниковъ или кожу (вола, тигра) или двери; разбойники разбѣгаются, и бѣднякъ забираетъ ихъ сокровища,—мотивъ, совсѣмъ чуждый анекдоту о жадномъ попѣ. На этотъ мотивъ существуетъ цѣлый самостоятельный циклъ сказокъ. У автора статьи указаны сказки французскїя и авганскїя. Новые сборники сказокъ принесли цѣлый рядъ сходныхъ вариантовъ, на примѣръ, великорусскїй у *Садовникова* 130, польскїй въ *Zbiór wiadomości* VIII 305, вотяцкїй у *Верещатина* 160. Также далеко отъ нашего анекдота стоитъ другая литературная параллель о ловкомъ ворѣ (сказанїе Геродота о сокровищѣ Рампсенита и др.); объ этомъ мотивѣ есть специальная статья акад. *Шифнера* на нѣмецкомъ языкѣ; но теперь накопилось уже много новыхъ вариантовъ, не вошедшихъ въ эту статью. Къ анекдоту близокъ лишь одинъ вариантъ сказки о богатомъ братѣ, отмѣченный авторомъ въ сборникѣ „Русскихъ простонародныхъ легендъ“ (1861), но этотъ вариантъ, по моему мнѣнїю, оторвался отъ цикла сказокъ о двухъ братьяхъ или о злыдняхъ (типическїя сказки у *Чубинскаго* II №№ 110—112) и подчинился анекдоту, и потому не имѣетъ никакого значенїя при опредѣленїи генеалогїи анекдота о рогатомъ попѣ. Пока не

будутъ найдены западно-европейскіе варианты нашего анекдота, внѣ случайныхъ и постороннихъ литературныхъ аналогій, можно считать анекдотъ оригинальнымъ произведеніемъ, по всей вѣроятности, южнорусскимъ, можетъ быть, возникшимъ въ близкой къ народу старинной бурлацкой или семинарской средѣ. По внѣшней формѣ оба малорусскіе анекдота относятся къ тому литературному разряду „бесѣдъ“, о которомъ мы говорили при разборѣ „Приказки до нюхарей“ Д. И. Эварницкаго. Хронологическія указанія Шимкова и Завалишина, что въ 1825 году анекдотъ пользовался большой популярностью въ Петербургѣ, придаютъ малорусскимъ бесѣдамъ значительную почти столѣтнюю древность, что не лишено значенія при отсутствіи данныхъ для хронологіи этого рода литературныхъ памятниковъ.

Н. Сумцовъ.

